

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ПУТЬ КРОВИ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

**Линкольн Чайлд
Дуглас Престон
Путь крови**

**Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Пендергаст», книга 20**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70008067

*Путь крови: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-24476-4*

Аннотация

В Саванне происходят загадочные убийства: в телах жертв не остается ни единой капли крови. В городе нарастает паника, которую подогревают местные легенды о вампирах. Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст, его подопечная Констанс и напарник Армстронг Колдмун берутся за расследование и понимают, что свет на эту загадку может пролить нераскрытое дело об угоне самолета полувековой давности. Однако пока они не подозревают, что зло, обрушившееся на город, непобедимо – во всяком случае, в этом мире...

Впервые на русском!

Содержание

1	7
2	11
3	18
4	21
5	29
6	35
7	42
8	48
9	57
10	64
11	77
12	86
13	92
14	100
15	108
16	112
17	120
18	130
19	137
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Путь крови

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей
дочери Веронике*

*Дуглас Престон посвящает эту книгу Брэди
Никерсону и Майку Рекуа*

Douglas Preston and Lincoln Child
BLOODLESS

Copyright © 2021 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, a division of Hachette Book Group, Inc. New York, New York, USA

All rights reserved

© С. Б. Удалин, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Книги Дугласа Престона и Линкольна Чайлда о специальном агенте ФБР Алоизии Пендергасте

Реликт

Реликварий

Кабинет диковин

Натюрморт с воронами

Трилогия о Диогене

Огонь и сера

Танец смерти

Книга мертвых

Колесо тьмы

Танец на кладбище

Трилогия о Хелен

Наваждение

Холодная месть

Две могилы

Белый огонь

Синий лабиринт

Багровый берег

Обсидиановая комната

Город печной ночи
Стихи для мертвецов
Злая река
Путь крови

Серия о Норе Келли

Старые кости
Хвост Скорпиона
Плато Дьявола

Среда, 24 ноября 1971 года

Новая форма стюардесс авиакомпании «Норд-вест ориент эйрлайнс» совсем не радовала Фло Шаффнер. Особенно эта дурацкая кепка с козырьком и наушниками, в которой она становилась похожей на Дональда Дака. И все же она ослепительно улыбалась, проверяя билеты у пассажиров рейса номер 305 Портленд – Сиэтл. Ее удивило их весьма скромное количество. Она думала, что в преддверии Дня благодарения салон «Боинга-727» будет набит до отказа. Но сегодня он заполнился лишь на треть, и Фло Шаффнер по опыту знала, что в таких случаях полет обычно проходит спокойно.

Пассажиры заняли места, и стюардессы – Фло и ее напарница Тина Маклоу – двинулись с разных сторон по проходу, принимая заказы на напитки. Фло досталась задняя часть салона. Одним из первых клиентов был пассажир с места 18С, любезный мужчина среднего возраста с мягким спокойным голосом. Он был в плаще и сером деловом костюме с белой рубашкой и черным галстуком. Шаффнер знала, как его зовут. Это была одна из ее обязанностей – постараться запомнить фамилии и места пассажиров. Обычно у нее ничего не получалось, но сегодня при полупустом салоне ей это удалось.

– Предложить вам чего-нибудь выпить, мистер Купер?

Он вежливо попросил бурбон с «Севен-ап» и, дождавшись заказа, протянул ей двадцатку.

– А помельче у вас не найдется?

– Не-а.

Она сказала, что сдачу придется подождать.

Пилот Уильям Скотт, которого все звали просто Скотти, передал стюардессам по селектору команду закрыть люки и приготовиться к взлету. Фло Шаффнер подняла хвостовой трап и села на откидной стул неподалеку от кресла 18С. Самолет вылетел точно по расписанию, в два пятьдесят пополудни, и через полчаса должен был приземлиться в Сиэтле.

Самолет выровнялся, сигналы «пристегнуть ремни» погасли, и пассажир в кресле 18С подозвал Шаффнер. Она решила, что он опять хочет выпить, но вместо этого он вложил ей в руку конверт. Такое частенько случалось с ней: одинокие пассажиры передавали ей записки с предложением встретиться и выпить, или поужинать, или даже больше того. Она быстро уяснила, как лучше всего избежать таких попыток сближения: просто не ввязываться. Поэтому она тепло поблагодарила мужчину и опустила конверт в карман, не читая.

Пассажир наклонился к ней и с дружелюбной улыбкой прошептал:

– Лучше прочитайте эту записку, мисс. У меня бомба.

Фло Шаффнер не поверила своим ушам. Она достала конверт и вынула из него записку. Четко выведенные фломасте-

ром заглавные буквы сообщали, что у мужчины действительно при себе бомба, но, если все будут выполнять его указания, ничего страшного не произойдет.

– Сядьте, пожалуйста, рядом со мной, – велел он, забрал у нее записку и положил в нагрудный карман.

Стюардесса подчинилась, а он раскрыл лежавший на коленях кейс и на несколько дюймов приподнял крышку. Девушка разглядела внутри связку красных цилиндров, соединенных проводами с большой батареей.

Мужчина захлопнул кейс и надел темные очки.

– Записывайте.

Она достала ручку и записала его распоряжения.

– А теперь отнесите это пилоту.

Фло Шаффнер встала, прошла в кабину, закрыла дверь и сказала пилоту, что один из пассажиров решил угнать самолет, угрожая бомбой. А потом зачитала его требования.

– У него правда есть бомба? – спросил Скотти.

– Да, – ответила Шаффнер. – Я сама видела. Похожа на настоящую.

– Ох, сын божий!

Скотти вызвал службу управления «Норд-вест ориент» в Миннесоте и передал по телетайпу краткое сообщение:

ПАССАЖИР ОБЪЯВИЛ О ЗАХВАТЕ
САМОЛЕТА, СЛЕДУЮЩЕГО В СИЭТЛ. ОН
ВРУЧИЛ ЗАПИСКУ СТЮАРДЕССЕ. ТРЕБУЕТ
ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ В РЮКЗАКЕ

К ПЯТИ ВЕЧЕРА. ОН ХОЧЕТ ДВА НАСПИННЫХ И ДВА НАГРУДНЫХ ПАРАШЮТА. ДЕНЬГИ В АМЕРИКАНСКОЙ ВАЛЮТЕ. НОМИНАЛ ЗНАЧЕНИЯ НЕ ИМЕЕТ. ОН ДЕРЖИТ БОМБУ В КЕЙСЕ И ВЗОРВЕТ ЕЕ ПРИ МАЛЕЙШЕЙ ЗАДЕРЖКЕ.

Кроме того, угонщик потребовал, чтобы на взлетной полосе аэропорта Сиэтл-Такома его ждал заправщик с топливом для дальнейшего пути по маршруту, который будет назван позднее. А еще ему нужен бортиженер.

Для какой цели, угонщик не сообщил.

2

В кабине самолета Скотти и второй пилот Билл Раташак ломали голову над тем, как справиться с ситуацией. Пассажиры еще не догадывались, что самолет угнан, и Скотти хотел, чтобы все так и оставалось.

В Миннесоте служба управления «Норд-вест ориент» связалась с президентом авиакомпания Доном Найропом и с ФБР. Федералы предложили штурмовать самолет, однако Найроп заявил, что предпочел бы договориться с угонщиком. Компания застрахована и готова заплатить выкуп. ФБР с большой неохотой согласилось. Но на выполнение всех требований угонщика понадобилось время.

«Боинг-727» уже подлетел к Такоме и кружил над аэропортом. Федералы и работники авиакомпании лихорадочно разыскивали деньги и парашюты.

Скотти включил громкую связь и сообщил пассажирам, что у самолета небольшие механические неполадки, но беспокоиться не о чем, и примерно через час они благополучно приземлятся. А в задней части салона безостановочно курил угонщик Дэн Купер. Он предложил сигарету стюардессе, и она закурила, чтобы успокоить нервы, хотя недавно бросила эту привычку.

Снаружи надвигалась гроза. Вскоре пошел дождь.

Авиакомпания обратилась за помощью к Национальному

банку Сиэтла, с которым имела деловые отношения. Банк был рад помочь. Как раз для таких случаев там держали резерв наличной валюты в двадцатидолларовых банкнотах, которые были микрофильмированы, а каждый серийный номер записан. Десять тысяч банкнот в пачках по пятьдесят штук уложили в рюкзак с завязками и доставили в ФБР. Весил рюкзак около двадцати фунтов.

Парашюты нашли в аэроклубе к востоку от аэропорта: два запасных нагрудных и два основных наспинных. Купер настаивал, чтобы это были гражданские парашюты, а не военные. Их также доставили в ФБР.

А самолет все кружил над аэропортом. Тина, вторая стюардесса, расхаживала по салону, успокаивая пассажиров. Дэн Купер объяснил Шаффнер, как все будет происходить:

– После приземления вы должны выйти из самолета, забрать деньги и принести их сюда.

– А если рюкзак будет слишком тяжелым?

– Не будет, вы справитесь. Затем вы заберете парашюты и тоже принесете в самолет.

Он достал из кармана пузырек с таблетками бензедрина:

– Отнесите это в кабину на случай, если кого-то из пилотов потянет в сон, когда мы полетим дальше.

Она спросила, не собирается ли он лететь на Кубу. Обычно угонщики так и поступали.

– Нет, – ответил Купер. – Не на Кубу. Куда-нибудь, где вам понравится.

Тогда Шаффнер поинтересовалась, зачем он угоняет самолет. Может быть, у него какие-то счета с «Норд-вест ориент»?

– Не с вашей компанией, мисс, – сказал он. – Я просто свожу счета.

Аэропорт закрыли и отменили все вылеты. Прибывающие самолеты направляли в другие города или переводили в режим ожидания. Вскоре после пяти вечера диспетчер передал, что деньги и парашюты доставлены, а машина ожидает в конце взлетной полосы, как и было указано.

Пилоты посадили 727-й и вырулили, выполняя требования угонщика, в дальнюю часть летного поля. Уже стемнело, дождь не прекращался, время от времени сопровождаясь вспышками молний. Поле ярко освещали прожекторы.

Самолет остановился.

– Отправляйтесь за деньгами, – сказал Купер стюардессе.

Она прошла по салону к выходу и спустилась по трапу на шатких высоких каблуках к ожидавшей машине. Агент ФБР достал из багажника рюкзак с деньгами и передал ей. Фло Шаффнер вернулась к самолету, поднялась на борт и вручила рюкзак Куперу. Он заглянул внутрь и вытащил пару пачек.

– Это вам, – сказал Купер.

Шаффнер удивилась:

– Простите, сэр, но правила компании запрещают принимать подарки.

Он чуть заметно улыбнулся:

– Хорошо. Идите за парашютами.

Она снова спустилась по трапу и в два захода отнесла парашюты Куперу.

Он наклонился к ней:

– А теперь самое главное, Фло. Слушайте внимательно. Пришло время, когда капитан должен объявить всем пассажирам, что самолет угнали. У угонщика есть бомба. Он приказывает всем покинуть самолет. Выходить нужно немедленно – не открывать багажные полки, не уносить с собой ручную кладь и все прочее, что они взяли в полет. Если мое распоряжение не будет исполнено буквально или какой-нибудь герой захочет вернуться и помешать мне, я взорву бомбу. Пожалуйста, передайте мои слова капитану. На борту должны остаться только он сам, второй пилот и вы.

– Да, сэр.

Шаффнер встала, прошла в кабину и сообщила о его требованиях. Через мгновение капитан уже включил громкую связь.

– Слушайте внимательно и сохраняйте спокойствие, – звучал из динамиков ровный голос Скотти. – На борту самолета находится угонщик с бомбой.

По салону прокатилась волна испуганных возгласов, вздохов, кто-то вскрикнул.

– Не нужно паниковать. Все пассажиры должны немедленно покинуть самолет. Не открывайте багажные полки, не

берите с собой ручную кладь. Вы должны выйти с пустыми руками.

Новые вздохи и ворчанье.

– Начинайте выходить. Не бегите.

Пассажиры разом повскакивали, растерянно и громко заговорили и рванулись к носовому трапу. Кое-кто потянулся к багажным полкам, а один даже изловчился открыть ячейку.

Увидев это, Купер встал и поднял кейс над головой, размахивая им, словно оружием.

– Эй, ты! – крикнул он с внезапной яростью, указав пальцем на непослушного пассажира. – Назад! У меня бомба! Я взорву ее, если ты не будешь делать, что приказано!

Пожилой пассажир попятился с исполненным ужаса лицом под крики и ругань окружающих. Кто-то подтолкнул его вперед, он забыл про багажную полку и рванул вслед за теми, кто уже ковылял к выходу. В считанные минуты салон опустел, остались только Фло и Тина.

– Вы тоже уходите, – велел Тине Купер. – И скажите бортинженеру, чтобы поднимался к нам.

Потом он схватил трубку телефона внутренней связи и прорычал в нее:

– Долго еще будут возиться с дозаправкой?

– Почти закончили, – ответил второй пилот.

Бортинженер «Норд-вест ориент» поднялся по трапу и остановился в тамбуре, ожидая распоряжений.

Купер обернулся к Фло Шаффнер:

– Закройте шторы иллюминаторов. С обеих сторон.

Вот теперь Шаффнер по-настоящему испугалась. Спокойная, любезная версия Купера сменилась взвинченной и разъяренной.

– Да, сэр.

Пока Шаффнер обходила салон, закрывая шторы, Купер обратился к бортинженеру:

– Эй, вы, слушайте внимательно. Как только самолет заправят, вы должны взять курс на Мехико. Держать высоту в десять тысяч футов, не больше. Закрывки опустить на пятнадцать градусов, лететь на пониженной тяге, давление в кабине не повышать. Сохраняйте минимально возможную при такой схеме полета скорость, она не должна быть больше ста узлов.

Он помолчал и добавил:

– Я собираюсь опустить хвостовой трап и взлететь в таком положении. Это возможно?

– Все, что вы сказали, вполне осуществимо, – ответил бортинженер. – Только взлетать с развернутым хвостовым трапом очень опасно. И при заданной вами схеме потребуются по крайней мере одна дозаправка.

После недолгих препирательств Купер согласился не опускать трап и дозаправиться в аэропорту Рино-Тахо.

– А теперь отправляйтесь в кабину к пилотам и закройте дверь, – сказал он инженеру. – Вперед и с песней.

Инженер скрылся в кабине, заправщик отъехал, турбины

закрутились, и самолет вырулил на взлетную полосу.

Угонщик обернулся к Фло Шаффнер:

– Покажите, как обращаться с кормовым трапом.

Она показала и дала ему листок с инструкцией.

– Ступайте в кабину, – сказал он. – И закройте по дороге перегородку для первого класса. Проследите, чтобы никто не выходил.

– Да, сэр.

Она обрадовалась, что не нужно больше сидеть рядом с ним, но все еще была напугана внезапной переменой его поведения. Особенно теперь, когда все требования угонщика выполнены. Она прошла через весь салон, повернулась, чтобы закрыть перегородку, и бросила быстрый взгляд на угонщика. Он обвязывал вокруг пояса рюкзак с деньгами. Самолет свернул с рулежной дорожки на взлетную полосу и стал набирать скорость. Было без четверти восемь вечера.

Тот, кто назвался Дэном Купером, обвязал рюкзак с деньгами вокруг живота и подошел к багажной полке над местом 12С, той самой, которую открыл пожилой пассажир. Купер принялся вытаскивать с полки ручную кладь и швырять на пол, пока не добрался до потертого коричневого кейса. Бережно снял его с полки и положил на свое сиденье. Затем открыл другие полки и разбросал вокруг все, что попало под руку: сумки, плащи, зонтики. Гроза усиливалась, самолет вошел в зону турбулентности, и его то и дело раскачивало вверх-вниз, отчего с открытых полок сыпались все новые и новые вещи.

Перешагнув через свалку на полу, Купер быстро и ловко надел основной парашют, а потом и запасной. Подошел к хвостовому трапу и, сверяясь с полученной от Фло Шаффнер инструкцией, открыл люк навстречу ревущему ветру и опустил трап в темноту.

Внезапное изменение давления в салоне встревожило пилотов. Ратащак включил громкую связь.

– Вы меня слышите? – крикнул он. – У вас там все в порядке?

– В лучшем виде.

Угонщик взял кейс с фальшивой бомбой и выбросил через люк в грохочущую темноту. Затем пошвырял туда же без

разбора еще какие-то вещи из багажа пассажиров. А коричневый кейс с багажной полки Купер закрепил на боку по другую сторону от рюкзака с деньгами, обвязав стропами ненужного ему второго парашюта. Теперь он стал похож на Мистера Мишлена¹: парашюты на груди и на спине, рюкзак с деньгами и кейс по бокам. Возможно, это выглядело смешно, зато надежно.

Закончив приготовления, он осторожно поставил ногу на трап и через мгновение выпрыгнул в ночь. В кабине заметили небольшой крен из-за уменьшения массы груза, и капитан зафиксировал время: восемь часов тринадцать минут вечера. Но что все это означает, было пока неясно. Не имея возможности выяснить, остался угонщик на борту или нет, капитан продолжил полет к Рино-Тахо.

Купер ворвался во взрывной поток ветра, подождал, пока не проскочит реактивную струю хвостовых турбин «Боинга 727–100», и выровнял свое свободное падение. Отсчитав целую минуту, он раскрыл стабилизирующий парашют и с удовлетворением почувствовал, как десятифутовая стропа развернулась и выдернула из ранца основной парашют. Когда тот полностью раскрылся, Купер огляделся и увидел внизу ориентир: слабые огни городка Пэквуд, затуманенные грозой, но все же различимые.

¹ *Мистер Мишлен* – официальный символ компании «Мишлен», забавный круглый человечек, состоящий из шин разных размеров.

Он нащупал шнурок от рюкзака с деньгами, потянул за него и запустил руку внутрь. Теперь, когда парашют раскрылся, ветер ощутимо стих и двигаться стало легче. Купер ухватил стопку банкнот и выбросил их в темноту. Потом еще раз и еще, стараясь как можно быстрее опустошить рюкзак.

Стропы неожиданно дернулись. Купер поднял голову и увидел, что часть банкнот ветром подняло вверх, они облепили купол парашюта, и он начал опадать. Падение ускори-лось до опасного для жизни уровня.

Купер не поддался панике. Отработанным движением он потянул за ручку сброса парашюта и снова перешел в свобод-ное падение. Затем торопливо дернул другой рычаг для руч-ного раскрытия запасного парашюта. Парашют выскочил, но Купер сразу почувствовал, что с ним что-то не так, – он рас-крылся, но не до конца. Возможно, его повредили специаль-но, или, скорее, он слежался, слишком долго пробыв в сло-женном виде. Такие неприятности иногда случаются.

Только для Купера эта неприятность была губительна.

Падая в темноту, он ощутил непривычный прилив пани-ки. Ветер рвал с пояса рюкзак с оставшимися деньгами. Как ни пытался Купер расправить запасной парашют, ничего не получалось. Он все падал и падал. Полусдувшийся купол вздрагивал от ветра, мимо пронеслось в ночь последнее об-лачко конфетти из двадцатидолларовых купюр, а беспомощ-ный силуэт парашютиста опускался в темный лес, пока не исчез из виду под завывания грозы.

Наши дни

Вертолет «Агуста-Вестланд 109 Гранд» мчался на северо-запад под мощный гул винтов, летя так низко, что посадочные салазки почти касались лазурной глади Атлантики. Он поднимался, преодолевая рифы, цепь прибрежных островов и бухты, ведущие к материковой части Флориды.

В роскошном салоне вертолета сидели трое: мужчина в рваных джинсах и клетчатой рубашке; девушка в плиссированной юбке и блузке, в солнцезащитных очках и с широкополой шляпой на коленях, и призрачный силуэт в черном строгом костюме, смотревший в окно с отрешенным выражением на точеном лице. Несмотря на тонированное стекло, яркий солнечный свет придавал его серебристо-голубым глазам странный платиновый оттенок, а светло-русые волосы блестели, словно мех снежного барса.

Это был специальный агент А. К. Л. Пендергаст из Федерального бюро расследований. Вместе с ним летели его подопечная Констанс Грин и напарник, специальный агент Армстронг Колдмун. Они возвращались с успешно завершеного дела на острове Санибел, штат Флорида, и хотя разговор лениво продолжался, в салоне воцарилась атмосфера отстраненности и сознания того, что пришло время заняться своими делами.

Вертолет набрал высоту и заложил вираж вправо, уходя от фешенебельных домов и отелей Майами-Бич, сверкающих, как алебастровая страна Оз, на фоне полосы пляжа и голубой воды за ней.

– Как мило, что пилот устроил нам такое шоу, – произнес Колдмун. – Все равно что прокатиться в Диснейленд.

– Я бы так не сказал, – ответил Пендергаст с шелковым, как сливки в бурбоне, нью-орлеанским акцентом.

– Вы уверены, что это было сделано намеренно? – Констанс наклонилась, чтобы поднять выскользнувшую у нее из рук при развороте вертолета книгу: «Безводные облака» Алистера Кроули. – Хаотичные изменения тангажа и крена – первый признак неисправности вертолета, пока напряжение в вихревом кольце не отправит его в неуправляемое падение.

Ее слова встретила минутная тишина, нарушаемая только гулом двигателя.

– Уверен, что у нас отличный пилот, – сказал Пендергаст. – Или это просто твое изысканное чувство юмора в действии?

– Не вижу ничего смешного в том, чтобы лежать обожженной и расчлененной на виду у всех посреди общественного пляжа, – ответила молодая женщина.

Колдмун не мог разглядеть ее глаза за солнцезащитными очками, но не сомневался, что она смотрит на него, оценивая эффект, произведенный ее мрачным заявлением. Мало того что эта странная, красивая, эрудированная и слегка су-

масшедшая женщина пугала его до чертиков – на прошлой неделе она успела и спасти ему жизнь, и пригрозить смертью, – ей, похоже, доставляло явное удовольствие проверять на прочность его яйца. «Возможно, – сказал он себе, – это признак интереса. В таком случае – нет уж, увольте».

Он глубоко вздохнул. Задумываться обо всем этом не стоило. В мыслях Колдмун уже был на новой должности в Денверском региональном отделении, за тысячу миль от влажной духоты Флориды.

Он перевел взгляд с Констанс Грин на Пендергаста. Еще одна странная личность. Хотя Колдмун и раскрыл бок о бок со старшим агентом два сложных дела, Пендергаст был еще одной причиной, почему Колдмун хотел добраться до Колорадо как можно быстрее. Может быть, этот парень и легенда ФБР, самый блестящий сыщик со времен Шерлока Холмса, но он известен раскрытием целого ряда дел об убийстве, в которых преступник и сам был «убит при задержании»... И Колдмун на собственном опыте убедился, что у напарника Пендергаста шансов уцелеть лишь немногим больше, чем у преступника.

Внизу скользили усыпанные кондитерскими пляжи Флориды, приближая Колдмуна к самолету на запад, и его наполнило чувство освобождения, в чем-то похожее на ощущения узника, выпущенного из тюрьмы. Он едва не улыбнулся, представив недоверчивые лица кузин, живущих в Колорадо-Спрингс, ведь его назначение все откладывалось, и

в конце концов они перестали верить, что это когда-нибудь случится. Береговая линия оставалась плотно застроенной, но дома были уже не такими высокими, как дальше к югу. Вдоль берега бежала трасса I-95, и по ней сплошным потоком двигались машины. Об этом Колдмун тоже не будет скучать, хотя он слышал, что и в Денвере движение за последние годы сделалось просто сумасшедшим. Полет занял больше времени, чем он ожидал. Краем глаза Колдмун заметил, что Пендергаст и Констанс склонились друг к другу, о чем-то тихо переговариваясь. Странно, однако. Он мало знал о Майами, хотя и пробыл здесь достаточно долго, но был совершенно уверен, что аэропорт лежит к западу от города, а не к северу... и уж точно не так далеко на север. Ту местность, которую он посчитал городом, они давно уже пролетели.

Колдмун поглубже уселся в кожаное кресло. Может быть, они направляются на базу ВВС или вертолетную площадку ФБР? В конце концов, их босс, ответственный заместитель директора Уолтер Пикетт, еще не выдал Колдмуну билет на рейс в Денвер. Возможно, его отправят правительственным или военным самолетом – это меньшее, что может сделать для него Бюро, учитывая все то дерьмо, через которое он прошел. Впрочем, маловероятно. Скоро объявят о назначении Пикетта на должность старшего помощника, и он теперь так занят, пакуя чемоданы для переезда в Ди-Си², что не мо-

² *Ди-Си* – сокращенное название Вашингтона, от *англ.* District of Columbia – округ Колумбия.

жет думать о чем-то еще.

– Эй, Пендергаст! – позвал он.

Тот оглянулся.

– Я думал, мы летим в Международный аэропорт Майами.

– У меня была такая же мысль.

– Что же тогда происходит? – Колдмун снова поглядел в окно. – Похоже, нас отвезли вместо Майами черт-те куда.

– В самом деле. Кажется, мы проскочили аэропорт.

Колдмун поежился от этих слов. В глубинах сознания шевельнулось ощущение сродни дежавю, только куда неприятнее.

– Проскочили? Вы уверены, что мы не делаем вираж перед посадкой?

– Если бы мы направлялись в Майами, сомневаюсь, что нам пришлось бы пролетать над Палм-Бич.

– Палм-Бич? Какого черта?..

Колдмун посмотрел вниз, на еще один узкий остров с роскошными зданиями, включая большой, кричащего вида особняк в псевдомавританском стиле, который как раз в этот момент перечеркнула тень их вертолета.

Он снова откинулся в кресле, растерянный и сбитый с толку.

– Что вообще происходит?

– Должен признать, что не имею ни малейшего представления.

– Может быть, лучше спросить у пилота? – сказала Кон-

станс, не поднимая глаз от книги.

Колдмун с некоторым подозрением посмотрел на эту парочку. Может, это они так шутят? Но нет, он привык доверять своей интуиции, а внутренний голос подсказывал, что они тоже не в курсе происходящего.

– Хорошая мысль.

Колдмун отстегнул ремни безопасности, встал с кресла и прошел через салон в кабину. Два пилота в шлемах и в форме хаки, с коротко подстриженными каштановыми волосами одинаковой длины вполне могли сойти за близнецов.

– В чем дело? – спросил Колдмун у первого пилота, сидевшего в правом кресле с ручкой управления между коленями. – Мы должны были лететь в Майами.

– Уже нет, – ответил пилот.

– Что значит «уже нет»?

– Сразу после взлета мы получили новый приказ: лететь в Саванну.

– В Саванну? – повторил Колдмун. – Вы хотите сказать, в Джорджию? Это какая-то ошибка.

– Никакой ошибки, – ответил первый пилот. – Приказ самого Пикетта.

«Пикетт, сукин сын!»

Стоя в дверях кабины, Колдмун вспомнил последний разговор с ответственным заместителем директора перед взлетом.

«Мне только что доложили о чрезвычайно странном про-

исшествии, случившемся прошлой ночью к северу от Саванны...»

Должно быть, Пикетт дождался, когда они взлетят, а потом передал пилотам приказ изменить курс.

Из всех вероломных, неблагодарных... Ну что ж, один раз Колдмуна уже обвели вокруг пальца, заставив взяться за второе дело вместе с Пендергастом и его нестандартными методами... И ясен пень, больше он такого не позволит.

– Разворачивай вертолет, – потребовал Колдмун.

– Простите, сэр, но я не могу этого сделать, – ответил первый пилот.

– У тебя уши засрало? Я сказал: разворачивай вертолет! Мы летим в Майами.

– При всем уважении, сэр, у нас приказ, – сказал второй пилот. – И между прочим, вас он тоже касается. Мы направляемся в Саванну.

Убрав руку с рычага, он расстегнул штормовку ровно настолько, чтобы из-под нее выглянула рукоять пистолета в нейлоновой наплечной кобуре.

– Агент Колдмун! – Голос Пендергаста прозвучал как будто издалека. – Агент Колдмун!

Колдмун резко развернулся и слегка покачнулся вслед за креном вертолета.

– Что?

– Очевидно, мы ничего не можем поделать с этим неожиданным развитием событий.

– Вы разве не слышали? – вспыхнул Колдмун. – Мы летим в Саванну. Задроченную Саванну вместо...

– Я слышал, – ответил Пендергаст. – Должно быть, случилось что-то крайне необычное, чтобы не сказать больше, раз уж Пикетт решил похитить нас подобным образом.

– Ага, его повысили в звании, и он стал еще большим засранцем, чем прежде. И хрен ли нам теперь делать?

– В сложившейся ситуации я не могу предложить ничего другого... кроме как сидеть спокойно и наслаждаться видом из окна.

Но Колдмун не желал отступать:

– Это все дерьмо собачье! Я собираюсь...

– Агент Колдмун!

Это была Констанс. Она произнесла его имя с глубоким, странным акцентом, без какого-либо нажима.

Колдмун умолк. Эта женщина была способна сказать или сделать все, что угодно. Но она ничего не сделала, только с сочувствием посмотрела на него.

– Может быть, вы немного успокоитесь, если обратите внимание на парадоксальность ситуации.

– О чем это вы? – раздраженно спросил Колдмун.

– Как вы думаете, часто ли случается так, что агента ФБР похищают собственные сотрудники? Неужели это вас не заинтересовало?

С этими словами она вернулась к чтению.

Примерно через сорок пять минут вертолет приземлился на дальнем участке армейского аэродрома Хантер. Как только рассерженный Колдмун выдернул рюкзак из заднего отделения салона, послышался гул еще одного подлетающего вертолета. Через минуту он появился в небе. Это был «Белл-429», – судя по хвостовым опознавательным знакам, правительственной модификации. Выглядел он точно так же, как тот, который этим же утром доставил Пикетта на частный остров. Колдмун фыркнул. Стоило ли удивляться?

Почти в то же мгновение, словно все было заранее отрепетировано, подъехал «эскалейд» с окнами, тонированными почти в такой же черный цвет, как и его кузов, остановился и замер с включенным двигателем.

Колдмун оглянулся на Пендергаста, вытаскивающего из заднего отсека салона свой багаж и вещи Констанс. Недавно Пендергаст ясно дал понять, что ему не терпится вернуться в Нью-Йорк, и это еще мягко сказано. Но сейчас он выглядел так, будто его ничуть не смущает подобный поворот дела. Более того, он словно бы даже и не возражал.

– Вы всё знали, так ведь? – спросил Колдмун, обернувшись к нему.

– Уверяю вас, что нет, – ответил Пендергаст сквозь шум вертолетного винта.

– Тогда какого черта вы делаете вид, будто приехали на пикник? Мне казалось, что вы собирались домой.

– Я очень хотел бы вернуться в Нью-Йорк.

Пендергаст направился с сумками к ожидавшему внедорожнику.

Колдмун двинулся следом.

– Так какого же...

– Дорогой мой Армстронг, – начал Пендергаст с так бесившего Колдмуна обращения. – Я не вижу, чего можно достичь подобным выражением недовольства. Пикетту известны наши планы. Если он не принял их во внимание, на то должна быть серьезная причина. Возможно, это как-то связано с одним сенатором из Джорджии, имеющим большое влияние в ФБР. Да... Подозреваю, нас направили сюда, потому что это дело может получить нежелательную огласку.

Колдмун удивленно посмотрел на него:

– Если бы я не знал вас лучше, то решил бы, что вы заинтригованы.

– Я и впрямь заинтригован. – Пендергаст окинул взглядом летное поле, и его серебристо-голубые глаза заблестели. – Саванна просто чудесна. Вы бывали здесь?

– Нет, и не очень-то стремлюсь.

– Это очаровательный город. Он полон прекрасных старинных особняков, жестоких тайн и загадочных призраков. Истинная жемчужина Юга. Саванна напоминает мне наш семейный дом на плантации Пенумбра... каким он когда-то

был.

Пендергаст еще не договорил, а Колдмун уже отвернулся и пробормотал длинное, касающееся человеческой анатомии ругательство индейцев лакота. Он искренне не мог решить, кто из этих двоих хуже: Пикетт или Пендергаст. Оказывается, у этого парня когда-то была своя плантация.

Пассажирская дверь «белла» скользнула в сторону, и элегантная фигура Пикетта широкими шагами направилась к ним.

– Прошу прощения за небольшое изменение маршрута, – заговорил он, не дав Колдмуну возможности выразить недовольство, и показал рукой на «кадиллак». – Будьте добры, рассаживайтесь, я все объясню по дороге.

– По дороге куда? – спросил Колдмун, но Пикетт уже беседовал с водителем.

Сзади раздался яростный вой, затем повторился, и Колдмун, обернувшись, увидел, как два вертолета взлетели один за другим, обдав его струей воздуха. С опущенными носами они поднялись выше, словно огромные неуклюжие канюки. Колдмун едва справился с порывом броситься за ними и ухватиться за полозья, пока еще можно до них дотянуться. В безмолвной ярости он швырнул свой рюкзак на заднее сиденье внедорожника и уселся сам. Констанс скользнула в машину следом за ним. Пендергаст с Пикеттом заняли средний ряд. Водитель переключил передачу и с силой надавил на газ. Мимо промелькнули военные ангары, и вот уже «эс-

калейд» выехал на трассу I-516, направляясь на север.

Пикетт закрыл все окна, попросил водителя включить кондиционер, затем откашлялся.

– Хочу вас уверить, что все решилось в последний момент, – начал он. – Я ничего не знал заранее и клянусь, что мой визит к вам не был попыткой вас перехватить. Дело в том, что развернувшиеся здесь события потребовали немедленного внимания. Бюро будет вести совместное расследование с местными властями.

– Разумеется, у вас уже есть богатые ресурсы в Джорджии, которые в силах обеспечить необходимое внимание, – заметил Пендергаст.

Пикетт поморщился:

– Скажем так, это дело особенно подходит для ваших способностей. Ситуация быстро меняется, но нам необходимо справиться с ней и показать результат как можно скорее.

– Понятно. А как поживает сенатор Дрейтон? – спросил Пендергаст.

– Лучше я притворюсь, будто этого не слышал, – ответил Пикетт.

– Но вы ведь с ним знакомы?

– Вы даже не представляете насколько, – с холодной улыбкой ответил Пикетт.

Повисла короткая, но все же неловкая пауза.

– Я прошу вас только посмотреть, и все.

– Всенепременно, – сказал Пендергаст. – Но если не оши-

баюсь, в точности те же слова вы говорили несколько недель назад, когда просили меня слетать на Санибел.

Колдмун ухватился за возможность вмешаться в разговор:

– А какое все это имеет отношение ко мне? Я должен явиться в денверское отделение.

– Я знаю, но тут уж как повезет.

– Но, сэр, мой перевод уже откладывали. Вы же сами сказали, что это подходящее дело для Пендергаста. Прекрасно, но мне-то нужно получить...

– Агент Колдмун! – сказал Пикетт невероятно тихим, но ледяным голосом, от которого Колдмун тут же умолк. – Это Федеральное бюро расследований, а не деревенский клуб, где можно выбирать удобное для вас время.

В наступившей тишине внедорожник выехал с развязки на трассу I-16, в сторону центра Саванны. Пикетт открыл кейс и достал тоненькую папку.

– Три дня назад на берегу реки Уилмингтон нашли тело управляющего местным отелем. Он был полностью обескровлен.

– Насколько «полностью»? – уточнила Констанс.

Пикетт с удивлением взглянул на нее:

– Ни одно похоронное агентство не справилось бы лучше. Поначалу местные власти решили, что это дело рук какого-то безумца, сектанта... или, возможно, месть гангстеров. Но как раз сегодня утром во дворе дома на Аберкорн-стрит обнаружили еще одно тело. Из него тоже выпустили всю

кровь. — Он посмотрел на часы. — Причина спешки в том, что место преступления сохраняют нетронутым до тех пор, пока мы его не осмотрим.

Колдмун оглянулся на Пендергаста, лицо которого, как обычно, не выдавало никаких эмоций... Кроме, может быть, неестественного блеска в глазах. Внедорожник свернул с трассы в узкий переулок под названием Гастон-стрит. Вдоль него тянулись жутковатые кирпичные дома, и машину трясло так, словно дорогу вымостили булыжником... возможно, так оно и было на самом деле. С правой стороны лежал парк с массивными старыми деревьями, густо облепленными испанским мхом, отчего казалось, будто они оплывают. Это напоминало сцену из фильма ужасов. Колдмуну до рвоты осточертела Флорида, ее жара, влажность, толпы людей и вообще «южность». Но этот зловещий город с корявыми деревьями и покосившимися домами был еще хуже.

Почему Пендергаст не пытался возразить? В конце концов, он же старший агент. В памяти Колдмуна всплыла любимая поговорка деда, индейца из племени лакота: «Остерегайся собаки, которая не лает, и человека, который не говорит ни слова».

— Унчи Мака, бабушка-земля, дай мне сил, — пробормотал он себе под нос, пока «эскалейд» забирался все глубже и глубже в самое сердце города, казавшегося чужим и враждебным.

Пробравшись сквозь полицейские ограждения и блокпост на Аберкорн-стрит, «эскалейд» остановился возле величавого особняка из красного камня с крыльцом, окруженным колоннами. Колдмун вышел из машины, приняв на себя удар влажного воздуха, и огляделся. К дому примыкал сквер с поросшими мхом дубами и возвышающейся на пьедестале статуей давно забытого героя в треуголке и с обнаженной шпагой. Все вокруг были одеты в форму или строгие темные костюмы, и Колдмун ощутил неловкость за свои старые джинсы и рубашку. Раз уж на то пошло, Пикетт мог хотя бы предупредить его о новом задании. От этих мыслей он помрачнел еще больше.

У ворот в сквер, окруженный фигурной оградой, дежурил мужчина в штатском, но не угадать в нем копа было невозможно. Женщину, что стояла рядом с ним в форме со всеми регалиями, Колдмун принял за старшего офицера.

– Детектив Бенни Шелдрейк из отдела убийств департамента полиции Саванны и капитан Аланна Делаплейн из юго-западного участка, – представил их Пикетт.

– Нас ждет место преступления, – спокойно перебил его Пендергаст. – Может быть, лучше оставить формальности на потом? А пока, будьте любезны, проводите нас.

Бесцеремонность Пендергаста только обрадовала Колд-

муна. Чем быстрее копы осознают нежелательность своего присутствия, тем раньше оставят их в покое... По крайней мере, он на это надеялся.

– Конечно, – сказала капитан Делаплейн. – Прошу следовать за мной. Мы нашли тело на заднем дворе, рядом с баракком для рабов.

– Баракком для рабов? – переспросил Пендергаст.

– Именно так. Вы, наверное, еще не знаете, что дом Оуэнса-Томаса – один из исторических особняков Саванны с прекрасно сохранившимся баракком для рабов. Тело обнаружено на старой рабочей площадке. Нужно пройти через дом, а потом через сад.

– Кто нашел тело? – спросил Пендергаст.

– Директор музея. Утром, по дороге на работу. Он сейчас находится в доме.

– Я хотел бы встретиться с ним, после того как мы закончим здесь.

– Хорошо.

Пройдя по роскошному мраморному вестибюлю и центральному коридору с богато обставленными комнатами по обеим сторонам, они вышли через портик заднего фасада. Отсюда открывался вид на строго прямоугольный сад с фонтаном. Колдмун едва поспевал за Делаплейн, которая вела их сначала по лестницам, потом через сад к калитке двора, где стояло невзрачное двухэтажное кирпичное здание с маленькими оконцами. Очевидно, это и был барак для рабов.

Посреди двора лежал на спине молодой человек с раскинутыми руками, как будто он упал прямо с неба.

– Криминалисты уже закончили работу, – сказала Делаплейн. – Место преступления в полном вашем распоряжении.

– Сердечно вас благодарю, – уже мягче ответил Пендергаст и подошел к труп, сцепив руки за спиной.

Колдмун направился было за ним, но передумал. Пусть Пендергаст занимается своим делом.

– А куда подевался Пикетт? – спросил он, оглядываясь. – И Констанс тоже.

Погруженный в себя, Пендергаст не ответил. Он обошел труп кругом, вглядываясь так пристально, как будто обследовал редкий персидский ковер. На вид жертве было за тридцать. Колдмуну до сих пор не доводилось видеть такого бледного лица и таких белых рук. Особенно поражал их контраст с черными выющимися волосами и голубыми глазами, неподвижно смотревшими в небо. В сравнении с трупом даже Пендергаст казался чуть ли не румяным. Лицо жертвы застыло в гримасе ужаса. Правая брючина была разодрана то ли ножом, то ли садовым инструментом, но ни в самой ране, ни вокруг нее крови видно не было. Ни капли.

Пендергаст поднял глаза на капитана Делаплейн:

– Что вы можете сообщить мне на данный момент?

– Это все предварительно, – ответила она, – но похоже, что кровь откачали из бедренной артерии, в верхней части

бедро, где порваны брюки.

– Чем откачали?

– Способ тот же, что и в прошлый раз: иглу с широким отверстием или, возможно, троакар³ ввели во внутреннюю часть бедра, чтобы добраться до бедренной артерии.

– Очень интересно.

Пендергаст взял нитриловые перчатки из контейнера, стоявшего на столике рядом с жертвой, ловко натянул их, опустился на колени и осторожно развел порванные края брючины, под которыми открылось аккуратное отверстие на внутренней части бедра. На месте разрыва к ткани присохла одинокая капля крови, смешанной с чем-то липким и желтоватым. Тонкие янтарные нити того же вещества повисли на правом ботинке жертвы. Колдмуну показалось, что это высохшие сопли.

В руках Пендергаста появились пробирка и зонд-тампон, он взял образец, потом еще один и еще, поочередно заталкивая их в стеклянные ампулы, которые тут же исчезали в его кармане.

– Время смерти? – спросил он.

– Около трех ночи, плюс-минус два часа, судя по температуре тела, – ответила Делаплейн. – Откачанная кровь усложняет расчеты.

– А эта слизь вокруг раны и на ботинке?

³ *Троакар* – медицинский инструмент для прокалывания тканей, состоящий из рукоятки, стержня с острием и полой трубки.

– Мы взяли образцы, но результатов пока нет.

Теперь в разговор вступил и Шелдрейк:

– Опергруппа ФБР тоже собрала много образцов и отослала в лабораторию в Атланте.

– Превосходно, – сказал Пендергаст.

Пока он на коленях осматривал – иногда с помощью карманной лупы – глаза, уши, язык, шею, волосы и ботинки трупа, стояла тишина. Затем Пендергаст изучил затылок мужчины.

– У первой жертвы мы обнаружили кровоподтеки в районе бедра, поясницы и брюшины, – сообщила Делаплейн. – У этого они тоже есть.

– Скорее похоже на следы недолгой борьбы, – заметил Пендергаст, поднимаясь. – Вы установили личности входивших и выходивших?

– Это странно, но мы не смогли, – призналась Делаплейн. – Территория хорошо охраняется. На всех трех входах есть камеры слежения. Но в записях ничего нет, и никаких обрывов тоже. Вообще ничего, только две камеры записали странные звуки около трех ночи.

– Что за звуки?

– Трудно описать. Что-то вроде фыркания собаки, а потом громкий шлепок. Я принесу вам копию записи.

– Спасибо, капитан.

Пендергаст обернулся к Колдмуну:

– Взгляните на это.

Колдмун решился подойти ближе. Пендергаст осторожно повернул набок окоченевшую голову трупа.

Колдмун надел перчатки и тоже встал на одно колено.

– Потрогайте затылок, – сказал Пендергаст.

Колдмун нащупал небольшую шишку. Пендергаст раздвинул волосы жертвы и показал что-то вроде ссадины.

– Похоже, перед смертью его крепко приложили по голове, – заметил Колдмун.

– Именно так. На этот интересный вопрос, как и на многие другие, должно ответить вскрытие.

Колдмун не стал уточнять, какие это вопросы.

– Жертву опознали? – спросил Пендергаст.

– Да. При нем был бумажник. Один из тех велотуристов, каких можно встретить здесь повсюду.

– А где его велосипед?

– Найден на углу Аберкорн и Ист-Мейкон.

– Это ведь недалеко отсюда?

– Всего с дюжину кварталов, не больше.

– Где он жил?

– На Либерти, поблизости от того места, где нашли велосипед. Возможно, его остановили по дороге домой.

Пендергаст встал, стащил перчатки и бросил в мусорный бак. Колдмун поступил так же.

– Может, нам лучше вернуться в дом? – предложил Пендергаст.

– Конечно, – просто ответила Делаплейн и повела их об-

ратно.

Оказавшись в прохладе особняка, Пендергаст прошел прямо в роскошную гостиную и уселся в мягкое позолоченное кресло с такой непринужденностью, как будто находился у себя дома.

– Мы с напарником с самого рассвета в дороге. Нельзя ли нам получить по чашечке чая? – спросил он и с выжидающим видом закинул ногу за ногу.

– Даже не знаю, – ответила Делаплейн. – Это ведь музей.

Но тут высокий не улыбкавший мужчина, державшийся прежде на заднем плане, шагнул вперед со словами:

– Думаю, это можно устроить.

– Прекрасно!

– Я директор дома-музея Оуэнса-Томаса Арманд Кобб, – представился мужчина. – Если вам еще не объяснили, музей находится в этом здании.

Пендергаст вяло кивнул:

– Простите, что не встаю. Последнее дело во Флориде чрезвычайно меня измотало.

Директор музея удалился, и Пендергаст перевел взгляд на капитана.

– Приятно было с вами познакомиться, капитан Делаплейн. Спасибо за помощь.

– Пожалуйста, – ответила она. – А это детектив-сержант

из отдела убийств Бенни Шелдрейк, который ведет дело.

Пендергаст пожал руку подошедшему детективу:

– Добрый день.

Из тени вышел еще один человек, только что появившийся.

– Гордон Карраччи, начальник отдела по связи с ФБР, – сказал он. – Сопровождаю образцы в Атланту.

– Очень рад знакомству.

Такое развитие событий поразило Колдмуна: Пендергаст сидел, словно паша на троне, принимая знаки почтения от самых разных людей, подходивших один за другим.

– А теперь, мистер Кобб, – заговорил Пендергаст. – Простите... может быть, правильное сказать доктор?

– Доктор, – сухо подтвердил тот.

– Доктор Кобб, насколько я понял, это вы нашли тело?

– Да.

– Оно ведь лежало не по дороге к вашему кабинету, правильно? – спросил Пендергаст. – Как получилось, что вы на него наткнулись?

– Я люблю время от времени прийти пораньше, чтобы успеть поработать до открытия музея. И всегда обхожу территорию.

– Зачем?

– Просто привычка. Дом такой красивый. Это придает мне сил. Кроме того, поскольку это музей... В общем, никогда не лишне убедиться, что все в порядке.

– Разумеется. Так, значит, вы увидели тело, и что дальше?

– Первым делом я проверил, жив ли он. На ощупь тело было холодным. Тогда я отошел подальше, чтобы ничего не затоптать, и вызвал полицию. А потом сидел в своем кабинете и ждал, когда полицейские приедут.

– Понятно. – Пендергаст обернулся к Делаплейн. – Обычный вопрос, капитан, если позволите. Не сообщали ли вам в последнее время об убитых или замученных животных, о необычных знаках и символах на улицах или о чем-то еще, позволяющем предположить активность сектантов... сатанистов, к примеру?

– Господи, да конечно же! – воскликнула Делаплейн. – Саванна притягивает этот народ, как магнит. Понятное дело, мы присматриваем за ними, когда есть причины предполагать преступление. С другой стороны, мы должны быть осторожны: могут посчитать, что их деятельность подпадает под закон о свободе вероисповедания.

Она помолчала немного и спросила:

– Вы думаете, здесь может быть что-то в этом роде?

– Я стараюсь не думать в начале расследования, капитан.

– Что же вы делаете вместо этого?

– Превращаюсь в приемник информации.

Приподняв брови, Делаплейн выразительно посмотрела на Колдмуна. Он пожал плечами. Пендергаст – это Пендергаст.

Сам агент уставился в пол, а потом вдруг обернулся к Коб-

бу:

– Не откажите в любезности рассказать нам немного об истории этого дома.

– Охотно, но не уверен, что это относится к делу.

– Сейчас к делу относится все.

Кобб приступил к тому, что, очевидно, было тщательно отрепетированной лекцией.

– Дом Оуэнса-Томаса был построен в тысяча восемьсот девятнадцатом году для Ричарда Ричардсона и его супруги Фрэнсис английским архитектором Уильямом Джеем в стиле эпохи Регентства. Ричардсон нажил состояние на работе по торговле. Он нашел прибыльную нишу, перевоза насильно разлученных с родителями или осиротевших детей-рабов на продажу из Саванны в Новый Орлеан.

Колдмуна передернуло от того будничного тона, каким это было сказано.

– Дом строили рабы, – продолжал Кобб. – Когда работы были завершены, Ричардсон переехал сюда вместе с женой и детьми, а также девятью рабами. Рабов разместили в старом кирпичном здании на заднем дворе. За последовавшие десять лет жена и двое детей Ричардсона умерли. Финансовые трудности вынудили Ричардсона продать дом и перебраться в Новый Орлеан. Он погиб в море в тысяча восемьсот тридцать третьем году. А дом со временем приобрел мэр Саванны Джордж Оуэнс, поселившийся здесь вместе с пятнадцатью рабами.

– Пятнадцатую? – с отвращением повторил Колдмун.

Смириться с мыслью о том, что один человек может владеть другими, было непросто.

Кобб кивнул:

– Оуэнсу также принадлежали еще четыреста рабов на различных окрестных плантациях.

– Zuzesa⁴, – пробормотал Колдмун себе под нос.

– После Гражданской войны семейное состояние Оуэнсов пошло прахом, но дом им удавалось сохранять за собой до тысяча девятьсот пятидесят первого года, когда последний из рода Оуэнсов умер, не оставив наследников. Дом перешел к Телфэйрской академии искусств и наук, которая превратила его в музей, каковым он и остается по сей день. Это одна из самых популярных достопримечательностей Саванны.

Вскоре был подан чай с какими-то невзрачными бисквитами. Пендергаст взял чашку.

– Расскажите подробнее о бараке для рабов.

– Непременно. В нем два этажа, всего шесть комнат, в которых жили рабы. В комнатах не было никакой мебели, как нет и теперь, их обитателям приходилось спать на голом полу с одними лишь потрепанными одеялами. Когда рабство отменили, большинство из них остались жить на задворках большого дома, превратившись в слуг и выполняя ту же самую работу, что и прежде. Но по мере того как для семьи Оуэнс наступали трудные времена, слуг постепенно отпус-

⁴ Змея (*лакота*).

кали. Барак для рабов стоял нетронутым до той поры, пока дом не превратился в музей.

– Благодарю вас, доктор Кобб, весьма познавательно, – проговорил Пендергаст. – Стало быть, глядя на представленные здесь великолепие и богатство, эрудицию и изящество, прекрасный хрусталь и серебро, ковры и картины, можно сказать, что все это – и сам дом, и его содержимое – воплощение чистого зла?

Его вопрос встретили ошеломленным молчанием. Наконец Кобб произнес:

– Рискну предположить, что можно выразиться и так.

– Не вижу тут никаких предположений, – ответил Пендергаст.

В наступившей тишине он полуприкрыл глаза и сложил пальцы домиком.

– Странно, не правда ли, – бесстрастно заключил Пендергаст, – что из всех возможных мест преступление случилось именно здесь.

Он допил чай и налил себе еще.

Старинный отель «Чандлер-хаус» на Чатем-сквер был построен из прессованного кирпича. Балконы с ажурными чугунными перилами по всей длине второго и третьего этажей поддерживались декоративными колоннами. На взгляд Колдмуна, отель был больше всего похож на южный публичный дом размером с целую фабрику.

– Как удачно, что Констанс нашла для нас такие просторные номера, – сказал Пендергаст.

После утренней беседы он исчез на несколько часов и только теперь объявился в отеле. У Колдмуна хватило благоразумия не спрашивать, где он пропадал. Они сидели в мягких креслах роскошной гостиной и потягивали мятный джулеп. Канареечно-желтая комната едва вмещала многочисленные исторические реликвии: серебряные кубки и огромные супницы, фотографии под стеклом, выцветшие флаги, мраморные бюсты, часы, документы в красивых рамках и прочие предметы, стоявшие на каминных полках или в затененных нишах.

– Да, очень удачно, – ответил Колдмун без всякого энтузиазма.

Просторные-то просторные, но он поселился в одном номере, а Пендергаст и Констанс – в другом. Уже не в первый раз он задумался о том, в каких отношениях эта парочка.

Пендергаст называл Констанс своей «подопечной», но Колдмун подозревал, что это всего лишь удобная формулировка.

Стакан с джулепом вложили в его руку прежде, чем он успел что-то заказать, и чем дольше Колдмун потягивал напиток, тем меньше ему нравился вкус. Он бы с радостью поменял коктейль на холодное пиво, но так и не набрался смелости его попросить.

– Джулеп не слишком терпкий для вас? – поинтересовался Пендергаст.

– Да, пожалуй, – ответил Колдмун.

Пендергаст благодушно огляделся.

– Это одно из самых примечательных зданий в исторической части Саванны, – заметил он. – Что само по себе уже достижение, если учесть, что едва ли не половина домов в городе имеет архитектурную или историческую ценность.

В его голосе проклюнулись назидательные нотки, и среди всего этого антиквариата, в самом сердце того, что раньше было Старым Югом, Пендергаст, как никогда прежде, выглядел в своей стихии. «Как свинья в луже», – пришло в голову Колдмуну, но он не стал высказывать эту мысль.

– Саванна выросла вдвое в эпоху железнодорожного бума, – продолжал Пендергаст. – И здания успели послужить самым разным целям. Этот отель, к примеру, поначалу был больницей для жертв желтой лихорадки, потом, при конфедератах, стал фабрикой боеприпасов и наконец превратился в ночлежный дом. В пятидесятые годы, как и многие другие

заведения, он пришел в упадок, а в шестидесятые и вовсе закрылся. К счастью, у дома есть ангел-хранитель, и она бережно вернула ему прежнее очарование.

Колдмун отпил еще немного и отставил стакан. «Она?» – равнодушно подумал он. О каком прежнем очаровании можно говорить, если здесь лечили больных желтой лихорадкой? А вот о старости – да, черт возьми, дом был старым. Правда, восстановили его старательно – чистота, ни пылинки на мебели. Но широкие и неровные половицы скрипели и стонали при каждом шаге, и казалось, будто дом на что-то жалуются. А еще спальня – огромная кровать с балдахинном и кружевными салфетками на спинках стульев и подушках... И при этом ни телевизора, ни Интернета. Такой роскошной ванной комнаты он тоже нигде не видел: большая фарфоровая ванна, мраморный унитаз с деревянным стульчаком. Не говоря уже о выставленных в ряд шампунях и кремах. Больница для жертв желтой лихорадки... Господи, чудеса, да и только! Чего бы он только не отдал за современные удобства отеля «Хэмптон инн»!

Не желая слушать продолжение лекции, Колдмун сменил тему:

– А что случилось с Констанс? Она ушла с места преступления почти одновременно с Пикеттом... и больше я ее не видел.

Губы Пендергаста дрогнули в мимолетной улыбке.

– Ничего удивительного. Зная по опыту представления

Пикетта о приличном жилье, она отправилась с ним проследить, чтобы нам забронировали удобные номера. И правильно сделала – он собирался поселить нас в ужасном сетевом отеле на окраине города.

Колдмун вздохнул:

– Так, значит, Пикетт сбежал с места преступления только для того, чтобы обеспечить нас жильем? Сначала он затаскивает нас в гнездо конфедератов, а потом исчезает. Прекрасный способ перевести стрелки.

Пендергаст допил коктейль и поставил стакан на поднос.

– Думаю, это скорее проявление заботы с его стороны.

– Заботы? – вскинулся Колдмун. – Он похитил нас, выдержал меня с нового места службы, где я должен был появиться уже не одну неделю назад, а потом бросил в этом жутковатом старом городе разбираться с каким-то čheslí⁵ делом.

– Я не говорю на языке лакота, но прекрасно различаю интонации. И я уже несколько часов наблюдаю ваше раздраженное состояние. Позвольте мне, как напарнику, кое-что вам предложить.

Как бы ни был зол Колдмун, он все же отметил, что Пендергаст не сказал «старший напарник». Что это было? Бросил косточку? Если так, то Колдмун не собирается ее поднимать. Этот человек в кресле напротив – с бледной кожей, светлыми волосами и льдистыми глазами – выглядел раздражающе благодушно, чтобы не сказать самодовольно. Однако

⁵ Дерьмовым (лакота).

Пендергаст так редко давал советы, что Колдмун доверился собственным инстинктам, заткнулся и стал слушать.

– Об этом деле и политических интригах, которые привели нас сюда, я знаю ничуть не больше, чем вы. Сенатор Дрейтон – очень влиятельный человек, и, возможно, именно его поддержка помогла Пикетту пробиться в высшие эшелоны Бюро. Но Пикетту точно так же, как и вам, не нравится это дело. И он явно не намерен брать ответственность на себя, чем бы все ни закончилось.

– С чего вы это взяли? – подозрительно спросил Колдмун.

– Именно из того, что он оставил нас одних разбираться с капитаном Делаплейн. Пока мы осматривали место преступления и опрашивали возможных свидетелей... он демонстративно отстранился. Вы в самом деле полагаете, что чиновник его ранга предпочтет заняться размещением сотрудников, вместо того чтобы самому руководить таким громким, значимым для одного из сенаторов делом?

– Вы хотите сказать, что он нас прикрывает?

– Я хочу сказать, что он прекрасно нас понимает и показывает, что разрешает нам вести расследование так, как мы сочтем нужным. Должен сказать, что это сильно меняет дело.

Пендергаст потер руки, словно уже предвкушая полное отсутствие контроля. Потом наклонился вперед и понизил голос:

– А в алчном денверском отделении – да умалится их род – не смогут вам отказать, когда вы придете заявить свои пра-

ва на пустой стол.

Он откинулся на спинку кресла и продолжил обычным голосом:

– Так или иначе, но история в этом городе имеет глубокие и мощные корни. К примеру, я только что прогулялся по здешним живописным переулкам.

– Так вот куда вы исчезли? Любовались достопримечательностями?

– Не совсем. Я немного проследил за нашим добрым доктором Коббом.

– Музейным хранителем? Зачем?

– У меня было предчувствие, что после нашего разговора он захочет с кем-нибудь повидаться... не откладывая визит. И он действительно вскоре вышел из музея и направился прямо к дому почтенной и богатой вдовы по имени Лида Мэй Калпеппер. Очевидно, в свое время она была редкостной красавицей, но, к сожалению, увяла, несмотря на героические усилия пластических хирургов и блеск сапфиров, бриллиантов и золота.

Колдмун все еще не мог понять, куда клонит Пендергаст.

– Похоже, вдова Калпеппер не так давно вложила средства в недвижимость: неосвященную церковь на Би-роуд.

– И какая здесь связь?

– Просто случайные размышления о тайнах этого города, так и ждущих, когда их раскроют. Один мой приятель, имеющий себя «специалистом по энигмалогии», все бы отдал

за то, чтобы поработать здесь. – Пендергаст обвел рукой гостиную. – Взять, к примеру, этот отель.

– А что с ним не так?

Пендергаст чуть ли не обиженно посмотрел на Колдмуна:

– Вы не находите, что это заведение вызывает интерес? Особенно если не забывать, что здесь работала первая жертва.

Тут Колдмун чуть ли не подпрыгнул на стуле.

– Вы имеете в виду...

– Мой дорогой Колдмун, вы же не думаете, что Констанс выбрала это место случайно? Труп, вынесенный на берег реки Уилмингтон, при жизни был управляющим «Чандлер-хаусом». Здесь есть над чем поработать.

Словно по сигналу, в гостиную вошла Констанс, окинула их своим странным взглядом и села на свободное место рядом с Пендергастом.

– Надеюсь, номер пришелся вам по вкусу? – спросила она.

– Превосходный во всех отношениях. Могу я спросить, что ты узнала, пока оформляли бумаги?

– Обычные слухи и сплетни. Тем вечером управляющий вышел покурить, и вскоре из парка донесся отдаленный крик. Он так и не вернулся.

Пендергаст кивнул:

– Отличное начало, Констанс.

– Насколько я понимаю, помощник управляющего мистер Тёрстон Дринкман Третий занял его место.

– Очаровательное южное имя. Нужно будет с ним поговорить. И с владелицей тоже.

Пендергаст повернулся к Колдмуну:

– Эта женщина и восстановила отель, когда его уже собирались снести.

Констанс кивнула:

– Ее зовут мисс Фелисити Уинтроп Фрост. Она в преклонных летах, затворница, занимает весь верхний этаж отеля и никогда не выходит. Не звонит по телефону, ни с кем не встречается, не пользуется электронной почтой. Говорят, она очень богата и выглядит зловеще, несмотря на возраст и слабое здоровье.

– Констанс, ты просто чудо, – сказал Пендергаст. – Значит, она для Саванны – своего рода Говард Хьюз⁶.

Когда они входили в отель, Колдмун обратил внимание на верхний этаж. Он был меньшего размера, чем четыре нижних, посередине возвышался купол, высокие старинные окна были закрыты шторами.

– Есть еще что-то, о чем мы должны знать? – спросил Пендергаст. – Вероятно, дорогой Армстронг считает, что это дело может оказаться недостойным наших способностей.

Констанс пригвоздила Колдмуна взглядом:

– Недостойным? Разве верования лакота не охватывают целый пантеон? Хан, дух тьмы; Иктоми, бог-паук, даровав-

⁶ Говард Хьюз-младший (1905–1976) – предприниматель, один из богатейших людей Америки. В старости вел затворнический образ жизни.

ший людям речь; Татанкан Гнаскийн – Бешеный буйвол, злой дух, который доводит влюбленных до суицида и убийства.

Она приподняла брови, словно спрашивая, все ли правильно сказала, но Колдмун был так удивлен, что не смог ответить.

– Я думала, – продолжила она, не дождавсь подтверждения, – человек, почитающий духов, почувствует, что Саванна – самый большой во всей Америке город теней.

Венди Гэннон старалась не прислушиваться к крикам Бэттса, долетавшим по длинному коридору из просмотровой комнаты в монтажную. Она продолжала составлять список необходимого осветительного оборудования, а Бэттс тем временем, проверяя отснятый за день материал, исходил непрерывным потоком громких упреков, неодобрительного фырканья и других выражающих отвращение звуков. Поначалу Гэннон беспокоили придирки Бэттса к работе ведущего оператора, но потом она поняла, что это обычное актерство. Барклай Бэттс не выходил из образа, даже когда камера не была на него направлена.

Съемочная группа прибыла в Саванну неделю назад, чтобы снять эпизод нового статусного мини-сериала интернет-компании «Нетфликс» под рабочим названием «Самые посещаемые призраками города». Когда Гэннон подписывала контракт, ей казалось, что это очень заманчивый проект, да и в этом городе она давно хотела побывать. Бэттс имел репутацию человека, с которым трудно работать, но так говорили почти обо всех режиссерах, а Венди гордилась тем, что ладила практически с кем угодно. Город был и вправду сказочный. Один из немногих в Америке, не утративший специфический местный колорит под отупляющим натиском сетевых фастфудов, бензоколонок и гипермаркетов. Истинная

мечта оператора, чудесное место для съемок: утренний туман, поднимающийся над опутанными испанским мхом дубами; мягкий вечерний свет, золотящий роскошные старые особняки; мощенные булыжником улицы; очаровательные скверы. И все это на крутом берегу медленно текущей реки. Идея тоже была захватывающей. Группа собиралась посетить шесть наиболее известных своими призраками домов Саванны, и не с кем-нибудь, а с самим Герхардом Мюллером, знаменитым медиумом, специалистом по паранормальным явлениям и основателем Института перцептивных исследований. Он изобрел особую камеру, якобы способную заснять призраков, или, как называл их Мюллер, «спиритуальные турбуленции», а также другие приборы для их обнаружения. Каждый эпизод фильма предполагалось посвятить исследованию одного такого места, чтобы выяснить, действительно ли там обитают призраки, и если да, зафиксировать их присутствие с помощью камеры и других устройств.

Венди Гэннон почти не сомневалась, что все это бред си-вой кобылы, но кто знает? Она не могла даже точно сказать, клюнул ли на это сам Бэттс, хотя было похоже, что клюнул. Но если призраки и впрямь существуют, то здесь им самое место. Может быть, она даже поймает одного из них на камеру. Вот это был бы номер!

Барклай Бэттс... Она и раньше работала с самовлюбленными эгоистами, но нужно признать, что он был хорошим режиссером и ведущим. Бэттс понимал, чего хочет, и был

первым во всем. Его указания были ясными, а общие представления о том, как должен выглядеть фильм, совпадали с ее собственными. Правда, он был нарциссом и злопамятным говнюком, имеющим пристрастие к судебным искам. Но, по правде говоря, она предпочла бы такого, как Бэттс, чем милого и обходительного режиссера, не знающего, что ему нужно, и не имеющего четкого понимания задачи. Гэннон достаточно поработала с этими парнями, чтобы убедиться, что они куда хуже крикливого козла Бэттса.

Раздражающий шум затих, а через мгновение в монтажную комнату вошел Барклай Бэттс в сопровождении приглашенного таланта Герхарда Мюллера. Это был тот еще дуэт, вылитые Эбботт и Костелло⁷. Мюллер был высокий, молчаливый и такой симпатяга, что краше в гроб кладут. Глубочайшей серьезностью, как будто он постоянно размышлял о конце света, Мюллер напоминал Питера Кушинга⁸. У Бэттса же, напротив, все было каким-то круглым, обтекаемым: очки, голова, даже голос – глубокий и звучный. Он почти не умолкал и суетился, как большая крыса в маленькой квадратной клетке. Может, ему и не хватало физической привлекательности, зато у него было то, что необходимо каждому режиссеру, – харизма. И она сразу ощущалась, стоило ему

⁷ *Эбботт и Костелло* – популярный в Америке в 1940–1950-х годах комический дуэт.

⁸ *Питер Кушинг* (1913–1994) – английский актер, в основном известный по ролям в фильмах ужасов.

только войти в комнату.

– У сегодняшнего материала проблемы с экспозицией, – разразился Бэттс новой критической тирадой. – Послушай, дорогая, я хочу, чтобы ты снизила ее на полступени. Тогда кадры станут темнее и насыщеннее. Сейчас они слишком яркие. Это не реклама для канала путешествий, это Саванна, город демонов. Поняла, о чем я говорю?

Гэннон разозлилась, потому что всегда придерживалась другого принципа, оставляя возню с экспозицией на потом, чтобы получить правильно выставленные кадры. Но препираться из-за такого не стоило, особенно с Бэттсом.

– Ладно, – сказала она. – Приму к сведению. Дельная мысль.

Он похлопал ее по колену:

– Хорошая девочка.

Такой троглодит, что даже смешно. Честно говоря, Гэннон мало волновало, что ее называют девочкой и лапают за коленки. Бэттс не был замечен в домогательствах. Его сексуальные предпочтения вообще оставались загадкой – он с равной вероятностью мог оказаться геем, натуралом, бисексуалом или вообще асексуалом. Возможно, это только к лучшему, потому что всю свою энергию Бэттс тратил на создание провокационных и спорных документальных фильмов, которые принесли ему скандальную известность. Критики, разумеется, его ненавидели.

Барклай Бэттс обернулся к Мюллеру:

– Вы не против? Саванна – город демонов. Мне нравится. Используем эту фразу сегодня. Она может стать новым рабочим названием сериала.

– Мистер Бэттс, – сказал Мюллер с легким тевтонским акцентом, – могу я спросить, когда мы начнем изучение призраков? Мы здесь уже несколько дней, но еще не исследовали ни одного места сосредоточения спиритуальных турбуленций.

– Не беспокойтесь, Герхард, ваш выход уже скоро. На пятницу у нас запланирован «Гамильтон-Тёрнер инн». А пока мы снимаем вспомогательные материалы и фон, доводим все до ума. Продвинулись бы дальше, если бы не это чертово расследование и перекрытые улицы.

Мюллер не ответил.

– Какое-то безумие, – продолжил Бэттс, плюхнувшись в кресло. – Два трупа, лишённые крови. Вот уж действительно из пальца высосано, вы меня поняли?

Если он ждал, что Мюллер рассмеется, то напрасно. Гэннон решила, что этот человек ни разу в жизни не смеялся. Но самой ей пришлось хихикнуть.

– Спасибо, – сказал Бэттс. – То есть я хотел сказать, что кто-то при мне говорил о саваннском вампире. Ты ничего такого не слышала?

– Нет.

– Герхард, дорогой, а вы?

Мюллер покачал головой.

– Но ваша камера может заснять и вампиров?

– Перцептивная камера способна запечатлеть вампиров, оборотней и прочие феномены, имеющие отношение к спиритуальным смещениям.

Бэттс развалился в кресле, выпятив влажную нижнюю губу и приложив палец к подбородку. Как Гэннон успела заметить, это означало, что он думает.

– Венди, – обратился к ней Бэттс, – раз уж мы все равно здесь, можно заодно снять сюжет об этих убийствах. – Он уставился в пустоту. – Саваннский вампир... кто знает, к чему это приведет?

– Конечно, – согласилась Венди.

В этом был смысл. «Саванна – город демонов» и так далее.

Бэттс обернулся и крикнул в коридор:

– Эй, Марти! Иди сюда!

Через мгновение Мартин Владимирович, многострадальный ассистент по исследованиям, появился из своей каморки дальше по коридору. Он вечно выглядел так, будто только что проснулся. Волосы его были примяты с одного бока. «Возможно, для молодых людей двадцати пяти с небольшим лет эта сонливость и растрепанность стала своеобразным стилем, – подумала Гэннон. – Способом показать, что им все по барабану». Но под этой маской скрывался толковый и способный исследователь.

– Пойди разузнай все, что сможешь, о здешних вампирских легендах, – сказал Бэттс. – Ну, ты понял – история, слу-

хи, жертвы и прочая срань.

– Да, мистер Бэттс.

– А если ничего не найдешь или это окажется унылым дерьмом... ну, ты знаешь, что делать.

– Да, мистер Бэттс. – И Марти поплелся обратно по коридору.

– Знаете, – продолжил Бэттс, – раз уж убийство случилось в самый разгар съемок, оно может стать сквозной линией фильма. Вдруг мы получим целую кучу перцептивных снимков призраков или еще кого-то на месте преступления. Правда ведь, Герхард?

– Возможно.

– Отлично! Черт возьми, может быть, мы с нашей камерой даже смогли бы раскрыть дело. Подумайте только! И это будет не призрак столетней давности, а то, что происходит сейчас. – Он повернулся к Гэннон. – У нас ведь есть полицейский сканер?

– Разумеется.

Сканер входил в обязательную экипировку съемочной группы.

– Давайте тогда завтра отснимем материал о том, как копы ведут расследование. Когда Марти найдет что-нибудь интересное, мы займемся и этими местами тоже. Нет, ты только подумай, дорогая: два трупа, у которых высосали кровь! Попробуй угадать, что из этого выйдет! Может быть, что-то большое. То есть, я хочу сказать, по-настоящему большое.

Фрэнсис Уэллстоун-младший замедлил бодрый шаг, разглядывая цифры над солидными парадными дверьми по обе стороны Вест-Оглторп-авеню. Шестьдесят семь, шестьдесят три... Ага, вот он: особняк в неокOLONиальном стиле с необходимым количеством благородных трещин на каменном фасаде. Как будто его забрали прямо со съемок «Иезавели»⁹.

Уэллстоун поправил галстук – проклятье, он успел позабыть о том, какая влажность в Саванне, – потом прочистил горло и поднялся на крыльцо. Позвонив в дверной колокольчик, он посмотрел на свое отражение в матовом стекле: чуть тронутые сединой волосы, легкие аристократические морщинки в уголках глаз – образ, долгие годы украшавший множество телевизионных интервью. Даже странно, что его не так уж часто узнают на улице.

Из прихожей послышался шум, дверь открылась, и на пороге появилась хорошо сохранившаяся дама приблизительно семидесяти лет. Тщательно нанесенный макияж, седые волосы окрашены в лавандовый цвет, дорогая одежда искусно скрывает добрых двадцать фунтов лишнего веса.

– Мистер Уэллстоун! – сказала она, пробежав взглядом по его костюму.

⁹ «Иезавель» – художественный фильм режиссера Уильяма Уайлера, снятый в 1938 году. Действие происходит в Новом Орлеане середины XIX века.

– Миссис Файетт?

– Прошу вас, зовите меня Дейзи.

– Тогда и вы называйте меня Фрэнком.

– Договорились!

С чем-то средним между реверансом и *passé relevé*¹⁰ она провела его по короткому коридору в гостиную, мгновенно согревшую ему сердце. Она была прямо из пьес Теннесси Уильямса, вплоть до салфеток, портретов погибших конфедератов и покрова пыли. Эркерное окно выходило на Вест-Оглторп-авеню, портьеры с бахромой фильтровали лучи утреннего солнца. Проходя мимо, Уэллстоун бросил привычный взгляд на изысканную книжную полку у стены. Мгновением позже, занимая предложенное место в мягком кресле с подголовником, он осознал, что беспокоиться не о чем: на кофейном столике перед ним гордо красовались четыре его книги. Он с удовлетворением отметил, что две из них были свежими, изданными за последнее десятилетие. «Преступный умысел», разумеется, тоже был здесь. Еще на одной книге Уэллстоун с досадой заметил штамп распродана.

– Так приятно познакомиться с вами, – сказала Дейзи Файетт, покраснев под слоем пудры. – Прошу вас, выпейте лимонада.

Уэллстоун позволил пожилой даме наполнить стакан.

– Спасибо.

¹⁰ Вспомогательное балетное упражнение.

– Это вам спасибо. Я так удивилась, получив ваше письмо. О боже, ошеломительно! Поверить не могу: Фрэнсис Уэллстоун собирается взять у меня интервью!

Он принял ее слова с улыбкой:

– Надежные источники сообщили мне, что именно с вами стоит поговорить об истории Саванны.

– Ну разве это не мило с вашей стороны? Должна признаться вам, мистер Уэллстоун... Фрэнк, что «Преступный умысел» – одна из самых захватывающих и потрясающих книг из всех, что я прочитала.

Уэллстоун не без труда сохранил на лице улыбку. Почему люди всегда называют первую и самую известную его книгу, когда хотят сделать комплимент? Чем, по их мнению, он занимался следующие двадцать лет после ее выхода? Это все равно что расхваливать Папу Гайдна¹¹ за его первую симфонию!

Еще в колледже Уэллстоун решил стать историографом, но, когда он поступил в магистратуру, стало ясно, что ему недостает упорства, чтобы корпеть над пыльными томами в поисках сути. Тогда он бросил Колумбийский университет и поступил на стажировку в «Нью-Йорк мэгэзин», где выполнял любую подсобную работу и помогал штатным журналистам, одновременно решая, как жить дальше.

Но именно в «Нью-Йорк мэгэзин» Уэллстоун нашел свое

¹¹ *Папа Гайдн* – прозвище великого австрийского композитора Йозефа Гайдна (1732–1809).

предназначение. Может быть, у него и не было склонности к анализу древних текстов, но он имел впечатляющий дар в другой области: исследование современности. Собирая информацию и проверяя факты, он обнаружил умение раскрывать секреты, ни за что бы не открывшиеся штатным авторам. Этот дар был особенно полезен при поисках компромата на знаменитостей и общественных деятелей. Уэллстоун интуитивно понимал, как разговаривать с портье, нянями, отвергнутыми любовниками. Благодаря академическому образованию он хорошо представлял, где добывать информацию, которой полагалось быть похороненной навсегда. Его статьи, часто отдававшие сарказмом и Schadenfreude¹², читатели поглощали с жадностью. Прошло немного времени, Уэллстоун перестал заниматься закулисной работой, и его имя замелькало на первой полосе «Нью-Йорк мэгэзин» наравне с именами ведущих журналистов.

А потом – словно удар молнии. Собирая материал для очередной статьи, он неожиданно наткнулся на богатый источник сплетен о прославившемся громкими делами адвокате Лоуренсе Фурмане. Фурмана обожали за все то доброе, что он сделал для людей, в том числе за спасение Западной Виргинии от свалки токсичных отходов, которую хотела устроить там одна хищническая фирма. Кроме того, Фурман был повсеместно известен благотворительностью и готовностью сражаться за интересы простых тружеников.

¹² Злорадством (нем.).

Однако это была лишь часть истории. Глубоко внутри скрывался другой Лоуренс Фурман: адвокат, сокрушающий своих оппонентов при помощи шантажа и политических связей, и похотливый мужчина, который грязно домогался своих сотрудниц, а потом угрозами заставлял их молчать. А самым отвратительным было то, что Фурман поддерживал контакты с адвокатами другой стороны, набивая карманы за счет своих клиентов.

Это был слишком большой скандал для одной статьи, слишком лакомая косточка, чтобы бросить ее владельцу журнала. И Уэллстоун решил написать «Преступный умысел» – пикантное разоблачение в изящной литературной форме, подрывающее репутацию Фурмана. Расследование было проведено так тщательно, с такими неопровержимыми доказательствами, что Фурман, даже не пытаясь ответить на обвинения, покончил с собой спустя две недели после выхода книги. Это был полный триумф, книга взлетела на первое место в списках бестселлеров.

– Спасибо, Дейзи, – сказал Уэллстоун. – Лимонад, кстати, очень вкусный.

«Преступный умысел» получил несколько премий, в Голливуде по нему сняли фильм. Уэллстоун решил, что добился успеха. Однако следующие его книги продавались уже не так хорошо, а небрежность в расследованиях привела к ряду неприятных и дорогостоящих судебных процессов. В конечном счете Уэллстоун выбрал карьеру скорее Херальдо Риве-

ры, чем Эптона Синклера¹³, штампую одну за другой сомнительные скандальные книги, основанные на анонимных источниках. Но и теперь, имея за плечами два десятка книг, он все еще изредка выдавал бестселлеры, пусть даже критики поливали его грязью.

Он взглянул на хозяйку дома. Миссис Файетт овдовела десять лет назад и жила с тех пор на постепенно тающее состояние покойного супруга. Она написала несколько брошюр о фольклоре и легендах Саванны и считалась местным экспертом, хотя и преподавала в такой дыре, как Саванна-Эксетер. Но Уэллстоун приехал сюда не за этим. Он выяснил о миссис Файетт еще кое-что... и чувствовал, что это может оказаться весьма полезным.

– Итак, Дейзи... – сказал он, поставив стакан на стол и подавшись вперед. – Хотя я и не стал упоминать об этом в своем письме, вы, наверное, догадались, почему я здесь.

В ответ она тоже наклонилась к нему:

– Вы собираетесь написать новую книгу!

Он кивнул.

– И она будет о Саванне!

– Да, среди всего прочего.

Уэллстоун взмахнул рукой, развернутой ладонью вверх.

– Учитывая то, что вас считают экспертом по истории го-

¹³ *Херальдо Ривера* – скандально известный американский тележурналист и ведущий ток-шоу. *Эптон Синклер* – американский писатель, журналист и общественный деятель, обличавший социальную несправедливость.

рода, и в особенности его... э-э-э... сверхъестественной истории, могу ли я рассчитывать на вас как на один из главных источников информации?

– А как же, конечно!

Дрожащей рукой она поднесла к губам стакан. То, как взволновала ее мысль о своем имени на страницах книги Фрэнсиса Уэллстоуна, не могло не польстить ему. Он внутренне улыбнулся, радуясь, что еще не утратил навыки.

– А раз так, то вы, надеюсь, понимаете, что... в ближайший месяц или два должны держать при себе все, что касается сути моего проекта.

Она с готовностью кивнула, довольная посвящением в тайну.

Расставив точки над «и», он откинулся на спинку кресла.

– Спасибо вам, Дейзи. Не могу удержаться, чтобы не сказать, как я рад вашей помощи. Теперь работа пойдет легче, а результат будет лучше.

– Книга Фрэнсиса Уэллстоуна о Саванне, – пробормотала Дейзи мечтательным шепотом.

Уэллстоун мог бы признаться, что Саванна сыграет только второстепенную роль в его книге, но тонкая интуиция предостерегла его от этого шага. Дело в том, что он уже почти закончил работу. В последних двух книгах Уэллстоун сосредоточился на разоблачении мошенников от культуры. Первая была о проповедниках евангелистской церкви, а вторая – о рекламирующих диеты знаменитостях. И обе порадова-

ли всплеском продаж. В новом проекте Уэллстоун нацелился на псевдонауку о паранормальных явлениях и решил высмеять экстрасенсов, спиритуалистов, ясновидящих, медиумов и прочих шарлатанов, которые использовали веру людей в сверхъестественное, чтобы высасывать деньги из доверчивых простаков.

Основная часть исследований уже была проведена. Однако Уэллстоун споткнулся на поиске лучшего способа введения читателя в свою книгу. В первой главе он собирался разоблачить мошенников, говорящих с духами умерших при помощи фальшивого оборудования, и, конечно же, первым делом на ум пришел Герхард Мюллер. Но тут Уэллстоун узнал, что его давний заклятый враг Барклай Бэттс задумал снять документальный сериал о привидениях Саванны с участием Мюллера. Так он понял, что нашел не только вступление, но и превосходную основу для книги, а в придачу – возможность свести старые и горькие счеты с Бэттсом.

– Так расскажите мне, Дейзи, – попросил он, когда хозяйка подлила ему лимонада, – как вы стали известным на всю Саванну... э-э-э... историком привидений?

– Ну хорошо...

Она помолчала и начала:

– Мой прапрадедущка сражался на войне с северянами... то есть войне между штатами. Можно сказать, что я выросла среди историй о призраках. Понимаете, у нас были слуги, и они любили рассказывать нам с братом страшные истории

перед сном.

Она хихикнула, как будто даже говорить об этом было не совсем прилично.

– А мой дедушка, он ведь тоже был любителем старых легенд, благослови меня Господи!

– И вы использовали эти старые легенды в своих книгах?

Он из деликатности назвал ее брошюры книгами.

– О да, конечно. Но с другой стороны, в каждой старой семье Саванны вам могут рассказать такие истории.

– Да, но только без тех глубоких знаний, которые вложили в них вы. – Уэллстоун поерзал на стуле. – Мне очень повезло встретить вас, Дейзи, и перенять от вас все ваши выдающиеся познания.

От этих слов улыбка Дейзи увяла, но затем щеки ее снова порозовели.

– Ну... не совсем так. Знаете, прямо сейчас в нашем городе снимается документальный фильм.

Именно за этим Уэллстоун и пришел, но притворился удивленным:

– Фильм?

– Да. Он называется «Американские города, населенные призраками» или что-то в этом роде.

– О боже мой! – начал Уэллстоун.

– Что такое? – тут же забеспокоилась Дейзи.

– Кто... снимает этот фильм?

– Интернет-компания... – Она подняла глаза к потолку,

выискивая на нем название. – Самая крупная. «Нетфликс».

– А кто режиссер?

– Барклай Бэттс.

– Барклай Бэттс? Кажется, я что-то о нем слышал. – Разумеется, он слышал. Бэттс выступал истцом в самом сложном судебном процессе о клевете из всех, через которые Уэллстоуну пришлось пройти. – Думаю, он ухватится за вас. То есть при вашей репутации, ваших знаниях было бы глупо этого не сделать.

– Ну да, он действительно обратился ко мне, – призналась Дейзи.

– Этого я и боялся. То есть я хотел сказать, что очень рад за вас. Только обидно за мой проект.

Уэллстоун произнес это с таким видом, как будто его интерес к ней угас. И даже потянулся за портфелем, сделав вид, что собрался уходить.

– Он заходил два дня назад, наговорил много приятного и пригласил на съемки. Но когда я пришла туда сегодня прямо с утра, мне дали только прочитать несколько строк из моих книг, как голос за кадром.

– И это все? – с притворным удивлением спросил Уэллстоун.

Дейзи кивнула.

– Не могу понять, почему Бэттс не захотел снимать вас. То есть при вашей компетентности...

Он неодобрительно покачал головой. Естественно, это по-

жилое напудренное создание перед объективом Бэттсу было совершенно ни к чему.

– Вот и я тоже удивляюсь, – сказала Дейзи с уязвленной ноткой в голосе.

Уэллстоун продолжал медленно покачивать головой.

– Вам следует быть осторожнее. Сдается мне, что он хочет воспользоваться вашими исследованиями, не отдав вам должного.

Осознав возможность такого неожиданного поворота, Дейзи застыла.

– А он может так поступить?

– Боюсь, что именно такими вещами эти документалисты и известны.

Заканчивая фразу, Уэллстоун пожал плечами. А потом вдруг просиял, как будто неприятную мысль сменила более заманчивая, и убрал руку с портфеля.

– Но... знаете что? Может быть, именно это нам и нужно.

– О чем это вы? – спросила Дейзи.

Она даже не заметила, что он сказал «нам», настолько естественно у него получилось.

– Полагаю, вы проведете еще какое-то время на съемочной площадке.

Дейзи ответила согласным кивком.

– Это означает, что вы получите доступ за сцену. И это может принести огромную пользу нашей книге. Вместе мы сумеем провести читателя за кулисы, показать, как создается

фильм. Покажем, как они пытаются обнаружить присутствие призраков.

Дейзи опять закивала – сначала медленно, затем с энтузиазмом:

– Да. Да! – Вдруг она запнулась. – Но они что-то говорили насчет соглашения о конфиденциальности.

Уэллстоун поднял указательный палец:

– Вообще никаких проблем. Вы будете моим тайным источником. Никто даже не узнает.

Он видел, как крутятся шестеренки в голове Дейзи. А потом она улыбнулась с таким смышленным и даже лукавым выражением, на какое Уэллстоун вообще не считал ее способной. «Благослови, Боже, южных красавиц», – подумал он.

– Хорошо, – сказала она, покраснев так, будто соглашалась вступить в связь с посторонним мужчиной. – Я могла бы узнать побольше о деле Саваннского вампира.

Уэллстоун вздрогнул. Вампира? Это что-то новенькое. Быстро справившись с удивлением, он равнодушно спросил:

– Вы сказали «саваннского вампира»?

– О да! Совсем как в тех историях, что рассказывала нам перед сном мисс Белинда. Одна из них была о Саваннском вампире. Понимаете, после этих двух убийств Бэттс решил, что он вернулся.

– Саваннский вампир, – повторил Уэллстоун.

Это же чистое золото! Значит, Бэттс собирается раскрыть эти убийства в бредовую историю о вампире, орудую-

щем в Саванне. Ну конечно же, он так и сделает.

– Дейзи Файетт, я уверен, что этот вампир должен стать главной темой нашего следующего разговора. Узнайте как можно больше, когда попадете на съемочную площадку, а потом мы встретимся снова.

«А ты, дорогой Барклай, – с удовлетворением подумал он, когда они чокнулись стаканами в приглушенном свете гостиной, – получишь от меня фитиль в задницу. Тебе понравится».

Капитан Аланна Делаплейн вместе с сержантом-детективом из отдела по расследованию убийств Бенни Шелдрейком шла по Чатем-сквер. Припарковаться у дальней стороны площади и пройти пешком оказалось проще, чем пытаться объехать ее. В парке мигали проблесковые маячки, суетились эксперты-криминалисты при полном параде и в голубых перчатках.

Двадцать минут назад нанятый мэрией садовник сообщил об ужасной находке – и вот уже закрутился с лязгом весь механизм полицейского расследования.

За двадцать лет службы в департаменте полиции Саванны Делаплейн насмотрелась всяких паранормальных, как их принято называть, фокусов. В мире хватает чудаков, якобы обладающих особыми силами, и большая часть из них, похоже, прошла через Саванну. Возможно, это была очередная афера, какой-то шутник, решивший нажиться на истории с Саваннским вампиром. С другой стороны, два человека мертвы и кто-то высосал у них всю кровь – это вам не фокус. И преступник тоже не дурак, чтобы оставлять на месте преступления рядом с жертвой драгоценные маленькие улики.

Делаплейн и Шелдрейк подошли к двум полицейским, натягивавшим оградительную ленту, пока остальные пытались

сдержать толпу.

– Сержант Ролло, где садовник, который нам позвонил? – спросила Делаплейн у одного из копов, остановившись возле ленты.

– Вот он, капитан.

Она обернулась и увидела на соседней скамейке мужчину в синем рабочем комбинезоне, обхватившего себя за плечи. Рядом с ним сидел полицейский в форме. Делаплейн и Шелдрейк подошли ближе.

– Привет, – сказала она.

Садовник поднял голову. Это был пожилой чернокожий с седыми волосами, глубокими морщинами и испуганным взглядом. Делаплейн немного удивилась его потрясенному виду. В конце концов, это был всего лишь отрезанный палец.

– Я капитан Делаплейн. Можно, я присяду и задам вам пару вопросов?

Как только она села, полицейский сразу встал. Шелдрейк занял место с другого края, включил диктофон и положил на скамейку.

– Вы не против? – спросила Делаплейн, кивнув на диктофон.

Чернокожий мужчина покачал головой.

– Позвольте спросить, как вас зовут?

– Гилберт Джонсон.

– Спасибо, Гилберт.

Делаплейн постаралась придать голосу побольше добро-

желательности. Она не раз слышала, что выглядит со стороны холодной и грозной.

– Расскажите мне с самого начала, что с вами случилось. Своими словами.

Джонсон кивнул.

– Я удобрял землю возле живой изгороди. – Он повел головой в ту сторону, где собрались криминалисты. – Там было много окурков, и я решил их собрать. А потом увидел палец. Я торопился и сначала подумал, что это тоже окурков, ведь он был совсем черный. Но потом по запаху сообразил, что это такое. И сразу выбросил его. А потом увидел волосы.

– Какие волосы?

Этого не было в коротком предварительном рапорте, который получила Делаплейн.

– Словно с кого-то сняли скальп. Длинный скрученный лоскут кожи с волосами. И на нем была кровь. – Он замолчал, тяжело вздохнул и добавил: – Много крови.

– Ничего, ничего, успокойтесь. – Она подождала, пока он возьмет себя в руки, и спросила: – И что же вы сделали дальше?

– Я задним ходом выбрался из кустов и позвонил в «девять-один-один».

Делаплейн посмотрела за оградительную ленту, туда, где криминалисты прочесывали кусты.

– А куда делись окурки?

– Я бросил их в мешок для мусора.

– Они были одной марки или разных?

– Не знаю, не заметил.

– А где этот мешок?

Он показал на бесформенный черный мешок, лежавший рядом с живой изгородью.

– Проследите, чтобы его приобщили к вещественным доказательствам, – сказала Делаплейн Шелдрейку.

Детектив кивнул в ответ.

– Еще что-нибудь помните?

– Дальше я просто сидел здесь.

– Спасибо, Гилберт.

Она встала и огляделась. Осмотр места преступления проходил по всем правилам. «Появится ли здесь ФБР?» – подумала она и снова почувствовала раздражение из-за того, что к делу привлекли федералов. Никаких оправданий этому не было. А этот старший агент – какой-то он странный. Сам похож на вампира, бледный, худой, весь в черном. Стоило услышать его голос с медовым нью-орлеанским акцентом представителя высших классов, как по спине мурашки начинали бегать. По опыту общения с людьми подобного типа она знала, что за южными аристократическими замашками часто скрывается закоренелый расизм. Может быть, даже рабовладельческое прошлое семьи.

Второй агент, Колдмун, был совсем другим. Он выглядел стопроцентным федералом: короткая военная стрижка, зеркальные солнечные очки, синий костюм, белая рубашка и до

блеска начищенные ботинки. Но у него, во всяком случае, была приятная, мягкая манера говорить.

Лучше, однако, не делать преждевременных и предвзятых выводов. С вмешательством ФБР можно справиться, просто продолжая расследование как ни в чем не бывало. Формально его возглавлял детектив Шелдрейк, и Делаплейн приказала ему связываться с Карраччи и остальными федералами два раза в неделю. Но вести расследование хотела сама. Не то чтобы она не доверяла Шелдрейку, просто дело намечалось громкое, и, когда дерьмо из вентилятора полетит во все стороны – а без этого не обойдется, – она, по крайней мере, будет держать палец на выключателе.

Делаплейн обернулась к Шелдрейку:

– Хочу немного осмотреться. Может быть, вы пока обойдете всех и проверите, как они работают?

– Будет сделано.

Детектив ушел, и вскоре Делаплейн услышала, как он раздает короткие указания.

Прогуливаясь по периметру, она повстречала медэксперта Джорджа Макдаффи. Он нес к машине контейнер-холодильник «Йети» для хранения вещественных доказательств. Трудно было поверить, что этот парень уже получил медицинское образование. Он больше напоминал первогодка из колледжа: худой как жердь, нервный и неуклюжий. Делаплейн еще толком не работала с ним и потому не знала, много ли от него пользы.

– Эй, Джордж, найдется для меня минутка?

– Конечно, капитан.

Он поставил контейнер на багажник автомобиля и повернулся к ней.

– Можно посмотреть? – кивнула она на холодильник.

– Э-э-э... конечно.

Он поднял крышку, и Делаплейн заглянула внутрь. В большой пробирке со льдом лежал палец, рядом, в другой емкости, – тонкий и длинный окровавленный клочок кожи с волосами. Делаплейн мгновенно поняла, что это может быть палец первого трупа, выброшенного течением на берег реки. У него как раз не хватало пальца. А еще была содрана кожа с головы, и форма найденного клочка, вероятно, полностью совпадет с раной. В остальных пробирках оказались тампоны с кровью, кусочки плоти и окровавленной одежды.

– Похоже, это Эллерби, – сказала Делаплейн.

– Да, я тоже так считаю. Как только я доставлю палец и клочок кожи в лабораторию, сразу же сопоставлю с трупом.

– Так, по-вашему, его убили здесь?

– Вероятно. В кустах много пятен крови.

– А что с пальцем? Его отрезали или как?

– Думаю, откусили.

Делаплейн хмыкнула. Потом обернулась и увидела, что к ней направляется Шелдрейк.

Он тоже заглянул в контейнер.

– Этот тот самый парень из «Чандлер-хауса»?

– Угу.

Шелдрейк выпрямился и окинул взглядом окружающие площадь дома.

– Боже всемогущий, не может быть, чтобы никто ничего не слышал!

– Верно, – согласилась Делаплейн. – Эллерби был еще жив в одиннадцать вечера, ведь служащие отеля говорят, что именно в это время он вышел и не вернулся. Совершенно точно известно, что он выходил покурить. Давайте возьмем ДНК с этих окурков и посмотрим, было ли это обычное место, где курил Эллерби. – Она усмехнулась. – Шелдрейк, я нашла большой геморрой для вашей группы. Нужно опросить всех жильцов каждого дома, не слышали ли они что-нибудь между одиннадцатью и двенадцатью прошлой ночью. Скажем, в радиусе трехсот ярдов отсюда.

– Правильно. Но меня чертовски интересует вот что: как труп Эллерби попал отсюда в реку?

– Хороший вопрос. Вероятно, его вытащили на улицу и погрузили в машину. Нам понадобятся собаки сначала здесь, а потом на берегу реки, чтобы понять, где его сбросили в воду.

На дальней стороне огражденного участка поднялся какой-то шум, и Делаплейн увидела, что за полицейский барьер пытается пробиться съемочная группа. Она решительно зашагала к киношникам. Группа была большая: два опе-

ратора с камерами (одна на «Стэдикаме»¹⁴, а другая простая), звукорежиссер и еще несколько человек, суетившихся вокруг низкорослого толстяка с микрофоном и высокого мрачного типа, который нес что-то вроде допотопной бокс-камеры. Видимо, операторы вели съемку. Высокий мужчина вытащил из кофра странный прибор в виде мыльницы и положил его на кусок бархатной ткани.

– Что здесь происходит? – раскатисто проговорила Делаплейн.

– Я пытался им объяснить, капитан, что это место преступления, – ответил полицейский в форме.

– Привет, я Барклай Бэттс, – сказал толстый коротышка с таким видом, будто все обязаны знать, кто он такой.

Камеры продолжали работать. Имя и лицо этого человека казались смутно знакомыми, вот только Делаплейн на фиг не нужно было его вспоминать.

– Прекрасно, мистер Барклай Бэттс, но здесь полицейское ограждение, если вы не заметили.

– Нам просто нужно подойти чуточку ближе, – заявил толстяк. – Мы сделаем несколько фотографий с помощью вот этой перцептивной камеры. Это замечательный прибор, капитан. Понимаете, он способен фиксировать паранормальную активность. Это может принести большую пользу полиции.

Делаплейн уперлась кулаками в бедра и ухмыльнулась:

¹⁴ «Стэдикам» – марка стабилизаторов для видеокамер.

– Паранормальная активность? Вроде призраков?

– В данном случае, вероятно, вампир.

Услышав такое, она расхохоталась.

– Ах, даже так? Вот что я вам скажу. Сделаете один шаг за ограждение, и я конфискую вашу вампирскую камеру. По нашим сведениям, там может быть бомба. Мы должны будем разобрать ее и проверить, но, понимаете, наши техники случайно могут – опаньки! – и сломать ее при разборке. Но вы можете постоять в сторонке и спокойно настраиваться на ваши вампирские эманации.

Высокий мужчина сурово нахмурился и закрыл объектив крышкой, а Бэттс гаркнул:

– Стоп!

Делаплейн заметила, что молодая женщина с камерой едва сдерживает смех.

Капитан вернулась к своим делам, на ходу покачивая головой:

– Надо же, вампиры!

Хотя от «Чандлер-хауса» до офиса службы медэкспертов было двенадцать кварталов, Пендергаст настоял на том, чтобы идти пешком. Влажность влажностью, но возражать Колдмун не стал. Он провел беспокойную ночь и спал не больше четырех часов. Возможно, огромная кровать с балдахином и выглядела впечатляюще, но она была мягкой, как пастила, и вдобавок Колдмун больше привык спать на голой земле, чем на матрасе размером с «кадиллак-эльдорадо» семидесятых годов. В довершение всего, эти портреты и жуткие черные силуэты на стенах, казалось, следили за ним, дожидаясь, когда он уснет. Прогулка по жаре расслабила его мышцы и сдула остатки ночной паутины. И что еще лучше, Монтгомери-стрит оказалась коммерческой улицей с небольшим скоплением скромных, строгих зданий, скорее всего административных. Ни тебе отвратительных особняков вокруг, ни плетей испанского мха.

Пендергаст вышагивал рядом. Молчаливый силуэт в неизменном черном костюме. Он сделал лишь одну уступку южному солнцу: надел солнцезащитные очки «Персол» в черепаховой оправе и с темными, как его одежда, линзами. Если агентам и полагался автомобиль, то Колдмун не заметил никаких его следов и сейчас лениво гадал, выделит ли им что-нибудь Пикетт, или же Пендергаст и покупку машины тоже

возьмет на себя.

Кстати, о Пикетте: Колдмун даже мельком не видел босса со вчерашнего дня, когда тот высадил их у дома Оуэнса-Томаса. Неужели Пикетт и впрямь вернулся в Нью-Йорк? «Он показывает, что разрешает нам вести расследование так, как мы сочтем нужным», – сказал Пендергаст. Вот будет забавно, если напарник окажется прав!

Подходя к административному комплексу округа, Колдмун заметил, что улица выглядит не совсем так, как минуто назад. На Монтгомери-стрит въехали два фургона без номерных знаков и большой частный автобус с затемненными окнами. Колдмун взглянул на часы: восемь тридцать пять. Интересно, почему Пендергасту вдруг приспичило выйти пораньше?

– Встреча назначена на девять, – сказал он. – Решили выпить чашечку кофе?

– Нет, – ответил Пендергаст, чуть прибавив шагу.

Они шли через площадь к административному комплексу, когда двери фургонов и автобуса одновременно отворились и наружу выплеснулась пестрая компания: молодые люди и девушки в наушниках и с планшетами, здоровяк с переносным прожектором и еще один парень, разматывающий змею аудиошнура. Откуда-то послышалось глухое рычание генератора, а затем из автобуса вышел воистину странный персонаж: мужчина ростом не больше пяти футов в круглых черных очках, бледно-бордовой шелковой рубашке и доро-

гой на вид соломенной шляпе с широченными полями. На мгновение он снял шляпу и оглянулся, продемонстрировав абсолютно лысый череп, заблестевший под утренним солнцем.

Мужчина прекратил неторопливый осмотр площади, заметив Пендергаста и Колдмуна. Снова надев шляпу, он направился прямо к агентам, срезая угол так, чтобы перехватить их у входа в здание. За ним из автобуса вышла высокая привлекательная женщина в сопровождении еще троих мужчин. Один нес «Стэдикам», другой тащил звуковой пульт и направленный микрофон, третий держал в руках большую видеокамеру. Похоже, это была какая-то съемочная группа, и она приближалась.

Однако Пендергаст, вместо того чтобы проскочить мимо, чуть изменил направление и замедлил шаг. В результате группа догнала его у широкого кирпичного крыльца перед стеклянной дверью с надписью: «Служба судебно-медицинской экспертизы округа».

– Прошу прощения! – сказал коротышка, снова снимая шляпу.

Для такого роста у него был на удивление глубокий голос. И что-то в нем казалось знакомым.

Пендергаст начал подниматься по ступенькам.

– Я прошу прощения! – повторил лысый, и только тогда Пендергаст остановился и обернулся.

– Да?

– Вы медэксперт?

– Надеюсь, что нет.

– Но вы работаете в службе? – невозмутимо продолжил коротышка.

– Нет.

Колдмун шагнул вперед, чтобы послать наглеца ко всем чертям, но рука Пендергаста мягко придержала его. Вдалеке показались другие автомобили и фургоны с логотипами интернет-компаний на бортах. Столпившиеся перед агентами люди тоже их заметили и выстроились в цепь, создав что-то вроде защитного барьера вокруг своей добычи.

– Поднеси камеру ближе, дорогой, – сказал толстяк оператору, стоявшему позади него, а затем снова повернулся к Пендергасту. – Меня зовут Барклай Бэттс.

«Так вот кто это такой!» – подумал Колдмун.

Этот человек вел одну из еженедельных развлекательно-новостных передач, что выходили по воскресным вечерам. И Колдмун видел его время от времени в скандальных документальных фильмах, обливающих грязью знаменитостей.

Пендергаст никак не отреагировал на его имя, и на лице Бэттса мелькнуло раздражение.

– Я снимаю документальный сериал о странных событиях городской истории. «Саванна – город демонов». Можно спросить, какова ваша роль в расследовании убийства?

Воздух наполнился ожиданием. Колдмуну было очень ин-

тересно, какую нелепую отговорку придумает Пендергаст, чтобы избавиться от этого паразита. Мало что его напарник ненавидел больше, чем общение с прессой.

— Я специальный агент Федерального бюро расследований Пендергаст, а это мой напарник, специальный агент Колдмун.

И на случай, если кто-то усомнится в его словах, Пендергаст показал удостоверение и жетон прямо в камеру.

К большому недовольству Колдмуна, лицо Бэттса превратилось в маску восторга. Глаза за круглыми стеклами очков засверкали.

— Кроме шуток? Агент ФБР? Значит, федералы заинтересовались недавними убийствами?

Пендергаст кивнул со сдержанно-серьезным видом:

— Да, заинтересовались.

Колдмун посмотрел на часы. Какого черта? Они пришли раньше времени, когда офис еще не открыли, их зажали в угол, и вот теперь Пендергаст остановился поговорить с этим придурком. Колдмун снова попытался вмешаться, но опять почувствовал, как та же рука его удерживает.

Бэттс разве что не потирал руки от радости. Наверняка он пришел сюда в надежде перехватить какого-нибудь мед-эксперта, но Пендергаст оказался для него ничуть не менее ценной добычей.

— Можно задать вам пару вопросов?

— Под запись?

– Да, конечно. Для документального фильма.

Пендергаст посмотрел на камеру, словно проверяя, работает ли она. Камера работала. Тогда он прочистил горло и сложил руки на груди, поверх строгого черного костюма.

– Я к вашим услугам, мистер Бэттс, – сказал он.

Венди Гэннон, оператор-постановщик, стояла чуть в стороне от съемочной группы и следила за сигналом с камеры, снимающей беседу с агентом ФБР. Это была неожиданная находка, они планировали ухватить за бороду медэксперта Джорджа Мак-как-то-там прямо в его логове. Знай она заранее об этой встрече, вела бы съемку сама. Но Крейгу можно доверять, он отснимет хороший материал без дилетантских панорамных планов и наездов камеры. Она посмотрела на небо, потом снова на Бэттса и агента ФБР, мысленно выстраивая кадр. Черный костюм мог нарушить баланс белого, и Гэннон прошептала указания в свою гарнитуру. Крейг поднял большой палец и снова сосредоточился на агенте.

– Не могли бы вы рассказать, что уже выяснилось в ходе расследования? – спросил Бэттс самым располагающим тоном, который приберегал исключительно для кинозвезд и чиновников высокого ранга.

– Непременно, – ответил агент.

Как его фамилия? Пендергаст? Гэннон обернулась к помощнику режиссера Марти и по гарнитуре попросила его раздобыть всю доступную информацию об этом человеке, и как можно быстрее. Нужно удостовериться, что они не берут интервью у какого-то шутника, прикинувшегося федералом. Этот парень совсем не был похож на агента, но, с другой сто-

роны, она не так уж много знала о ФБР. В траурном костюме он смотрелся странновато и держался слишком покладисто для сотрудника спецслужбы. Но его удостоверение выглядело как настоящее. А вот стоявший рядом с ним атлетического вида мужчина очень даже походил на статую, отштампованную на фабрике в Куантико¹⁵.

Гэннон огляделась, проверяя, сумеет ли ее группа придержать других журналистов, пока Бэттс не добьется своего. Он был опытным репортером и рассчитывал все сделать быстро. Павел снимал фон на «Стэдикам» одновременно, а не во вторую очередь, как обычно, потому что интервью было импровизированным. И это даст Гэннон необходимую свободу при монтаже. Она проверила уровень звука и осталась довольна. Потом снова посмотрела на небо. Свет немного тепловат, но ничего страшного. В этом особом интервью главное не тон, а содержание.

Она вернулась к разговору, идущему полным ходом.

Странно, но такой первоклассный специалист, как Бэттс, похоже, ни на шаг не продвинулся вперед.

– Так что конкретно вам удалось раскопать?

– Ничего, – ответил агент с аристократическим южным акцентом, идеально подходящим жителю Джорджии.

– Вы не раскопали ничего? – озадаченно переспросил Бэттс.

– Ничего.

¹⁵ В городе Куантико располагается Академия ФБР.

– Но ведь произошло убийство, правильно?

– Определенно, – согласился агент самым доброжелательным тоном. – На самом деле даже два.

– Простите, – продолжил Бэттс, – но раз уж вы уверены, что это убийство, то как же вы могли ничего не раскопать?

– Но тело не было закопано, правда одежда больше походила на лоскутки. Не знаю, откуда вы взяли, что оно было закопано.

– Но... я же не...

Бэттс умолк, сбитый с толку, что с ним случилось крайне редко. Потом глубоко вздохнул:

– Давайте попробуем еще раз.

Он оглянулся на оператора, словно хлопнув невидимой хлопушкой перед новым дублем.

– Почему вызвали ФБР?

– Куда вызвали?

– На убийства.

– Какие убийства?

– Которые недавно произошли.

– Вы хотели сказать «произошли здесь»?

– Да, разумеется.

– В Саванне?

– Да.

– Вам следовало бы выражаться точнее.

Пауза.

– Убийства с высосанной из тел кровью, как сделал бы

вампир. Вот какие убийства, сэр!

– Я спросил, потому что за последнее время в Саванне произошло не одно убийство. С радостью помог бы вам, но не могу отвечать на вопросы, сформулированные недостаточно четко.

Агент произнес это с легким упреком, как сказал бы разочарованный учитель начальной школы любимому ученику. Гэннон заметила, как шея Бэттса слегка покраснела прямо над воротником сшитой на заказ шелковой рубашки.

– Ну а теперь, когда мы выяснили, о каких убийствах идет речь, что вы можете мне сообщить о них? – спросил Бэттс, повысив голос.

– О котором из них?

Бэттс помолчал, успокоился и сказал:

– Давайте начнем с первого убийства.

– С первого убийства? – повторил агент ФБР, прекрасно имитируя глубокий носовой голос Бэттса. – Ох, боюсь, что немногим смогу вам помочь. Простите.

– Почему? – коротко поинтересовался Бэттс.

– Я еще не видел первый труп. Поэтому я и здесь. То есть не в Саванне, понимаете? В этом здании.

С губ Бэттса сорвался тихий сдавленный звук.

– Ну хорошо. А что вы можете сказать о втором трупе?

– Это был мужчина.

– Нам так и говорили.

– Он был мертв, как я и подозревал. Готов подтвердить

это, потому что сам осматривал тело.

– А нельзя ли поподробнее? Как высосали кровь?

– Из этого мужчины?

– Да-да! Из этого мужчины!

Бэттс окончательно потерял свою хваленую выдержку.

– Итак, тело не было закопано. Возвращаясь к вашему недавнему вопросу.

Бэттс нетерпеливо ждал продолжения.

– Признаюсь, мистер... Баттс, правильно?

– Бэттс.

– Ох, простите. Признаюсь, мистер Бэттс, я не вполне понимаю, какая именно дополнительная информация вас устроит. Жертвой был мужчина. Тело найдено вчера. Причина смерти еще не установлена. Надеюсь, этого вполне достаточно, чтобы удовлетворить представителя вашей... профессии?

И тут Пендергаст окинул окружающих взглядом не слишком дружелюбным, как заметила Гэннон.

– Нет, недостаточно, – сказал Бэттс. – Почему привлекли ФБР?

Блуждающий взгляд Пендергаста вернулся к режиссеру, агент повел рукой в сторону камер, микрофонов и прочего оборудования.

– ФБР часто расследует убийства. Вы представляете какой-то общегородской или, скорее, районный новостной канал?

Раздраженный Бэттс вздохнул так шумно, что дрогнули стрелки на индикаторах звука.

– Я снимаю... руковожу съемками документального фильма «Саванна – город демонов». Так вот, мистер Пендергаст, кое-кто утверждает, что это работа Саваннского вампира. Можете дать какой-нибудь комментарий?

– А почему вы спрашиваете?

– Агент ФБР – если, конечно, вы и вправду агент – должен понимать, что нам необходимы подробности. Люди встревожены, им нужны ответы. Они имеют право знать истину.

Гэннон решила, что агента разозлит это ханжеское заявление, и приготовилась к худшему. Но если что и случилось, то прямо противоположное. Лицо Пендергаста приняло задумчивое, чуть ли не философское выражение, и он опять заговорил самым покладистым тоном.

– Мистер Бэттс, – сказал он медовым голосом, – сознательно или нет, но вы своим вопросом попали в самую точку. «„Что есть истина?“ – насмешливо спросил Пилат и не стал дожидаться ответа»¹⁶. Если бы я знал, какую истину вы ищете, то приложил бы все силы, чтобы помочь вам. Но похоже на то, уж простите за прямоту, что ни один ответ не принесет вам удовлетворения. Более того, любое утверждение, любая истина, которой я поделюсь с вами, повлечет только новые вопросы. Я взываю к моему коллеге-агенту и

¹⁶ Цитата из книги Ф. Бэкона «Опыты, или Наставления нравственные и политические». Перевод З. Александровой, Е. Лагутина.

к вашему собственному окружению. Вопреки моим самым искренним намерениям в разговоре с вами я *auribus teneo lorum*¹⁷, как писал Теренций в неподражаемом и нетленном «Формионе». Вы читали «Формиона»? Нет? Ну что ж, боюсь, такое встречается слишком часто в наше время. И все же, несмотря на недостаточность ваших познаний, особенно прискорбных для человека, именующего себя журналистом, я, как слуга общества, буду стоять на этих ступеньках, *hic manebimus optime*¹⁸, пока не объясню вам, что я...

В этот момент в офисе позади агентов вспыхнул свет, и женщина в форме открыла входную дверь. Гэннон взглянула на часы: девять.

Внезапно человек, назвавшийся Пендергастом, развернулся, быстрым лисьим прыжком подскочил к двери и проскользнул внутрь. Второй агент поспешил за ним.

Бэттс оглянулся на камеры.

– Стоп! Стоп! – завопил он. – Не надо записывать это дерьмо!

Затем режиссер посмотрел на Гэннон:

– Пошевеливайся, черт возьми, мы должны пробраться туда и поговорить с этим медэкспертом. Быстрее!

Он метнулся вперед, поднимаясь по тем ступенькам, где мгновением раньше стояли агенты, и попытался рвануть

¹⁷ Держу волка за уши (*лат.*). В переносном смысле: оказался в безвыходной ситуации.

¹⁸ Здесь нам будет отлично (*лат.*).

дверь на себя. Но Пендергаст удерживал ее, словно железным запором.

– Наша шутливая беседа развлекла меня, мистер Бэттс, – сказал он сквозь стекло с тонкой улыбкой на губах. – Но боюсь, что мне пора на встречу с медэкспертом. – Он бросил взгляд на часы. – Встреча начнется через шестьдесят секунд. А представители прессы – даже в самом широком понимании этого слова – на нее не приглашены.

И женщина в форме по его сигналу проворно заперла дверь.

Гэннон смотрела, как три силуэта исчезают в глубине офиса. На крыльце мгновение стояла наэлектризованная тишина, а затем Бэттс, одураченный и озлобленный, разразился такой бранью, что его голос, отраженный отзданий, заполнил всю площадь и подтолкнул стрелки индикаторов звука в красную зону.

– Вот они, джентльмены.

Медэксперт Макдаффи провел Пендергаста и Колдмуна в лабораторию и махнул рукой в сторону двух обнаженных трупов, лежавших на медицинских каталках в центре ярко освещенной комнаты. Невероятно бледные обескровленные тела казались инопланетянами или восковыми манекенами. Колдмун попытался отодвинуться подальше – эта часть работы привлекала его меньше всего. А Пендергаст шагнул вперед с энтузиазмом голодного человека, оказавшегося у шведского стола. Этот парень не переставал удивлять. Колдмун уже было решил, что Пендергаст сошел с ума, охотно и даже увлеченно ввязавшись в разговор со съемочной группой... но вскоре понял, что напарник просто тянул время, чтобы попасть к медэксперту раньше их. Или просто потешался над ними.

Пендергаст вглядывался в первый труп, сцепив руки за спиной и склонившись так низко, как будто собирался его поцеловать. Потом обошел тело кругом, изучая его с еще большим вниманием, и точно так же осмотрел второе. «Во всяком случае, вскрытие уже провели и зашили Y-образный разрез», – подумал Колдмун. Конечно, выглядели они устрашающе, но могло быть и хуже. Много хуже.

Пендергаст выпрямился:

– Агент Колдмун, вы не находите интересным то обстоятельство, что одна жертва пострадала намного больше, чем другая?

Колдмуну пришлось присмотреться. Один труп был в приличной форме, учитывая обстоятельства, но другой – тот, что был найден в реке, – был распухшим и растерзанным, с полудюжиной колотых и точечных ран, порезов, царапин и содранным с головы куском кожи. Правый указательный палец отсутствовал.

– Странно, – пробормотал Колдмун.

– Ничего странного, – возразил Пендергаст.

Колдмун посмотрел на него:

– Что вы хотите этим сказать?

«Господи, лишь бы только не новая лекция!»

– Классическая картина. Убивая первую жертву, преступник еще не обрел свой стиль. Он экспериментирует, ищет свое «я», так сказать. И поскольку это ему в новинку, он нервничает и суетится. Ко времени второго убийства он уже поверил в себя и поэтому действует с большим спокойствием и меньшей, скажем так, неряшливостью.

– Вы думаете, мы имеем дело со становлением серийного убийцы? – спросил Колдмун.

– Не с полной определенностью, нет.

– Может быть, кто-то просто выполняет свою работу... и делает ее все лучше.

Пендергаст поднес к первой жертве цифровую лупу, на-

целив ее на одну из точечных ран. Повозился с настройками, сделал несколько скриншотов. Потом перевел лупу на другую похожую рану, а за ней на третью. Наконец поднял голову.

– Агент Колдмун, вас не затруднит взглянуть?

– Я просто ждал своей очереди.

Колдмун подошел, посмотрел в окуляр и увидел странный складчатый разрез, промытый речной водой. Были и другие похожие раны, некоторые были больше, местами была разодрана плоть. При вскрытии каждую из ран рассекли, а потом края разреза вновь скрепили.

– Доктор Макдаффи, – позвал Пендергаст, развернувшись так резко, что медэксперт от неожиданности вздрогнул, – если вас не затруднит, расскажите нам, что вы обнаружили в ранах.

– Да, конечно. Как видите, мы сделали поперечные разрезы, чтобы составить схему расположения и взять образцы для анализа. У первой жертвы можно разглядеть ряд колющих ран, сделанных чем-то вроде троакара. Одни из них глубокие, другие не очень. Могу показать вам схему, если пожелаете. Раны сосредоточены на внутренней и передней части бедра. Я предполагаю – и это единственное разумное объяснение в данных обстоятельствах, – что убийца искал бедренную артерию, но делал это наугад. Последний прокол попал в артерию, через него и была откачана кровь.

– Много крови?

– Вся. Буквально до капли. Сердце перестает биться после потери от трех до четырех литров. Но последние литр или два тоже исчезли, и это означает, что кровь кто-то откачивал через полую трубку троакара. Очень активно откачивал.

– Как при бальзамировании? – спросил Колдмун.

– Рад, что вы спросили. При бальзамировании иногда используется бедренная вена, а не артерия. Но обычно кровь вытесняют закачиванием жидкости в аорту. Это называется перфузией. А потом бальзамирующий раствор точно так же вытесняет эту жидкость. А в нашем случае требовалось активное откачивание.

– Это мог сделать кто-то имеющий опыт работы бальзамировщиком? – предположил Колдмун.

– У меня мелькнула такая мысль. То же самое оборудование можно перенастроить на откачивание крови вместо вытеснения жидкости. Но с помощью троакара, а не разреза и катетера.

– А другие раны? – спросил Пендергаст.

– Они указывают на борьбу. Судя по виду этих глубоких разрезов, они сделаны неприспособленным для этого предметом. Возможно, сломанным ножом. Повреждения кожи на голове классифицировать сложнее. Похоже на то, что ее соскребли чем-то твердым и тонким, с большим усилием. Как срезают кожуру с яблока.

Колдмун с трудом проглотил комок в горле. На завтрак он ел яблочные дольки с овсянкой.

– Наконец обратите внимание на отсутствие указательного пальца правой руки. Его грубо отсекли, я бы даже сказал откусили. Как вы, наверное, уже знаете, его недавно нашли в парке возле отеля, в котором работал убитый.

Пендергаст кивнул.

– Можно на него взглянуть?

– К сожалению, он уже отослан в лабораторию ДНК. На нем обнаружена засохшая слюна.

– Слюна? – повторил Пендергаст. – Прекрасно. Когда будут получены результаты?

– Через сорок восемь часов.

Еще один кивок.

«Когда его вернут, я покажу вам другой палец», – подумал Колдмун, все еще борясь с тошнотой.

– Хочу показать вам кое-что еще, – сказал Макдаффи и подозвал ассистента.

Вдвоем они осторожно перевернули тело.

– Обратите внимание в дополнение к сломанным ребрам на эти глубокие симметричные гематомы по обе стороны позвоночника от ушиба и надрыва паравертебральных мышц¹⁹. Особенно больших ромбовидных. Крайне необычно.

Пендергаст тщательно изучил отметины с помощью цифровой лупы. Колдмун только отмахнулся от приглашения посмотреть самому.

Затем медэксперт пустился в долгое перечисление меди-

¹⁹ *Паравертебральные мышцы – околопозвоночные.*

цинских подробностей, отмеченных при вскрытии, включая содержимое желудка, незначительное количество алкоголя и тетрагидроканнабинола²⁰ в тканях и так далее. Колдмун многого не понял, но все это не показалось ему особенно важным.

– Давайте перейдем ко второму телу, – предложил Пендергаст.

Этот труп Колдмун уже видел во дворе за домом Оуэнса-Томаса, и выглядел он значительно свежее. Ему ведь не пришлось плавать полдня в теплой воде, слава тебе господи!

– Заметьте, что здесь только одна точечная рана, – сказал Макдаффи. – На этот раз убийца попал прямо в бедренную артерию. Кровь опять полностью выкачана. Мы обнаружили вокруг раны что-то похожее на слюну, или слизь... или, может быть, какую-то смазку. И снова провели анализ ДНК и химического состава.

Пендергаст долго осматривал рану.

– Обратите внимание, здесь тоже есть синяки и царапины, – продолжил Макдаффи. – Но ничего похожего на первый труп. Этого убили гораздо более умело – во всяком случае, если судить по малому количеству признаков борьбы.

Медэксперт кивнул ассистенту, и они перевернули тело. Колдмун сразу же заметил точно такие же симметричные гематомы на равном удалении от позвоночника.

²⁰ *Тетрагидроканнабинол* – вещество, содержащееся в марихуане. Вызывает у человека эйфорию.

– Похоже на то, что тело – оба тела – зажали в клещи или тиски. С такой силой, что у трупов надорваны мышцы и сломаны ребра.

Пендергаст водил цифровой лупой туда-сюда, осматривая гематомы. В лаборатории повисла тишина. Наконец он выпрямился и поднял сверкающие глаза на медэксперта.

– Одни из самых необычных повреждений, которые мне приходилось наблюдать на трупе.

– Мы тоже озадачены. Оба тела, как вы знаете, были перемещены. Первое перевезли с площади к реке, а это больше трех миль по прямой.

– Вы хотите сказать, что характер травм указывает на участие в убийстве более чем одного человека?

– Со всей определенностью. И в убийстве, и в перевозке. По меньшей мере двое или трое, а может быть, и больше. Вторую жертву тоже переместили. Хотя на данную минуту мы можем только строить предположения о действительном месте убийства. Почти уверен, что эти отметки оставлены каким-то механизмом – бульдозером, автопогрузчиком или иной строительной машиной, которая подняла тело и перевезла в другую точку. Я в недоумении.

Пендергаст помолчал немного и заговорил снова:

– Думаю, мистер Макдаффи, что нам следует держать наше общее недоумение при себе. Возможно, вы уже видели шумную толпу журналистов и операторов снаружи?

– Да, видел.

– Чем меньше информации они получают, тем лучше. Я говорю об этом, потому что вы, несомненно, скоро столкнетесь с ними, как уже пришлось мне.

Макдаффи кивнул, и глаза его округлились при мысли о таком неприятном противостоянии.

– Они ничего от меня не узнают. Предоставлю разговор с ними капитану.

– Вот и прекрасно.

Пендергаст снова повернулся к трупам, и Колдмун заметил, как сверкнули серебром и невероятным напряжением его глаза.

Макдаффи показал посетителям запасной выход, который благополучно вывел их в тихий переулок. Колдмун набрал полную грудь влажного воздуха, радуясь, что избавился от вони антисептиков в лаборатории.

– Вы, случайно, не ходите в церковь? – спросил Пендергаст.

– Нет, если иметь в виду ваше понимание этих слов.

– Но может быть, ради дела вы пойдете на компромисс? Я ценю ваше общество.

Колдмун вздохнул:

– Раз уж вы заговорили о деле, какое отношение имеет к нему посещение церкви? Если только вы не собираетесь обратиться ко мне.

– Обратиться? Это вряд ли осуществимо. Возможно, вы заметили татуировку на запястье нашего доброго доктора Кобба?

– Да. Похожа на знак участия в боевых действиях. Вот уж не подумал бы, что этот старикашка – ветеран войны.

– Это не воинский знак. Это герб одного древнего аристократического рода. А именно рода Батори из венгерского региона²¹ Трансильвания.

²¹ Исторически Трансильвания принадлежала Венгрии.

– Трансильвания? Как в «Дракуле»?

Пендергаст кивнул:

– Три стилизованных клыка, расположенных горизонтально. В полном варианте герба вокруг них дракон, кусающий себя за хвост. – (Колдмун понял, что Пендергаст с радостью затянет этот разговор хоть до бесконечности.) – В четырнадцатом веке этот герб был пожалован воину Витусу, убившему болотного дракона, который наводил страх на окрестности замка Эчед.

– Молодчина! Я слышал, что болотные драконы хуже всех прочих.

– Среди потомков Витуса была графиня Елизавета Батори из Эчеда, жившая в шестнадцатом веке. Она удостоилась чести попасть в Книгу рекордов Гиннесса.

– За что?

– Как самый деятельный серийный убийца – женщина. Говорят, она погубила больше шестисот пятидесяти девушек, по большей части девственниц, чтобы искупаться в их крови и этим сохранить свою красоту. Ее прозвали Кровавой Графиней.

– Боже милостивый!

– Так вот, сидя в приятной прохладе гостиной дома Оуэнса-Томаса, я спрашивал себя: зачем нужна степенному историку доктору Коббу такая татуировка?

– Может быть, он потомок Батори?

– Нет. Как я вам уже рассказывал, сразу после нашего ухо-

да он едва ли не бегом направился к дому вдовы Калпеппер. Доктора Кобба явно обеспокоило наше появление, и он решил посоветоваться с ней. Я проследил за ним, и, когда он вышел, сам нанес миссис Калпеппер короткий визит.

– Под каким предлогом?

– Как свидетель Иеговы. И прежде чем меня возмутительным образом вытолкали вон, успел добиться своей цели. Я заметил на запястье миссис Калпеппер точно такую же татуировку.

– Правда? Похоже на какую-то секту.

– Именно так.

Колдмун помолчал немного.

– Секте могла понадобиться кровь для ритуалов... Если они собирались пойти по стопам Батори. Много крови.

– Совершенно верно.

– И вы считаете, что все это дерьмо творится в той самой церкви, что купила вдовушка?

– Надеюсь, что так.

– Надеетесь? – невольно рассмеялся Колдмун. – Правда? Вы – и надеетесь?

– Мой дорогой Колдмун, я действительно надеюсь раскрыть дело и тем спасти жизнь будущим жертвам.

– Тоже верно. Когда мы собираемся навестить сектантов?

– Сегодня в полночь. Это будет для них сюрпризом. А я тем временем получу ордер и подготовлю облаву. Мы ведь должны взять их с поличным, чтобы им было уже не отмыть-

ся. Прошу прощения за двусмысленность.

– А почему вы так уверены, что они соберутся именно сегодня ночью?

– Потому что завтра годовщина ужасной смерти Елизаветы Батори в темнице замка. Конечно же, они должны отметить это событие каким-то ритуалом... возможно, даже кровавым.

Констанс Грин сидела в кафе «Суони» отеля «Чандлер-хаус», потягивая чай бао чжун и любуясь очаровательным маленьким парком по ту сторону Вест-Гордон-стрит. Зал кафе был длинным и узким, одну стену почти полностью занимало окно из рифленого стекла, выходившее на Чатем-сквер.

Саванна пришлась по вкусу Констанс, особенно после слишком уж современной Флориды, где тропический рай сталкивался с суматохой мегаполиса. Пусть даже здесь недавно случились убийства, Саванна оставалась элегантным городом, свывшимся с собственным прошлым – не с ужасной историей рабства и угнетения, а с простой жизнью, чтением Тrolлопа²² и прогулками по парку, каждое дерево в котором сажали с мыслями о том, как оно украсит пейзаж сто лет спустя. Здесь не кинулись сносить все подряд в приступе архитектурного вандализма пятидесятых и шестидесятых, а сохранили связь с прошлым, что перекликалось с особенным отношением к далеким временам самой Констанс.

Завтрак в «Чандлер-хаусе» подавали с восемью до десяти утра. Констанс пришла без четверти девять и выбрала столик в дальнем конце зала. Оттуда, сидя спиной к стене, она могла незаметно наблюдать как за посетителями, так и за про-

²² *Энтони Тrolлоп* (1815–1882) – известный английский писатель Викторианской эпохи.

исходящим на улице и на площади. Забавно, что пара гостей, вероятно туристов, попыталась спросить у Констанс дорогу. Наверное, приняли ее за местную или даже за служащую отеля в старинной одежде.

Она заказала яйцо пашот с пикантным соусом и кресс-салатом, а также бао чжун. Посетителей обслуживали две официантки, одна молодая, а другая среднего возраста. Поскольку работы было мало, они стояли в глубине зала. Незадолго до десяти утра Констанс отодвинула в сторону недоеденное яйцо и заказала булочку со взбитыми сливками и черносмородиновым джемом. К двадцати минутам одиннадцатого в зале осталась одна Констанс, погруженная в разгадывание кроссворда. Булочка лежала нетронутой, а две официантки, чья смена подходила к концу, болтали между собой.

Глядя в окно на проезжавшие машины, Констанс прислушивалась к пересудам официанток. Они говорили вполголоса, но не настолько тихо, чтобы Констанс не смогла разобрать. Она с самым будничным видом записывала антикварным золотым карандашом имена и подробности личной жизни служащих отеля в квадратики кроссворда. А через четверть часа ухитрилась смахнуть со стола блюдо со сливками.

– Ох, простите! – сказала она официанткам, бросившимся наводить порядок.

Пока они вытирали пол и скатерть свежими салфетками, Констанс поднялась, забрызгав при этом остатками сливок

черную юбку одной официантки и рукав другой. Констанс опять принялась извиняться, порываясь помочь им почистить одежду.

– Сядьте вот сюда, напротив меня, а я принесу еще салфеток.

– Ох, мэм, нам это запрещено, – сказала старшая женщина, вытирая тыльную сторону ладони о накрахмаленный фартук.

– Чепуха, – ответила Констанс, чуть ли не силой усаживая их на стулья. – Я даже и не подумаю никуда уходить, пока все не исправлю.

Обе официантки сели, все еще протестуя, но без прежней настойчивости и не так искренне. А Констанс, уже не казавшаяся такой неуклюжей, как мгновением раньше, принесла целую стопку матерчатых салфеток и кувшин с ледяной водой.

– Давайте берите салфетки, сколько нужно, – сказала она, старательно копируя манеру разговора других посетителей.

– Но, мэм, – возразила младшая официантка, – будут неприятности, если мистер Дринкман...

– Если он придет, я просто переговорю с ним, и никаких неприятностей не будет.

У официантки заблестели глаза.

– О, так вы из важных гостей?

Констанс отмахнулась с улыбкой, ничего не говоря, но давая понять очень многое. Беседа продолжалась, и Констанс,

вовремя бросаясь нужными именами – спасибо кроссворду, – скоро уже запросто называла официанток Хелен и Джоан.

– Не буду вас задерживать, – сказала она после окончания уборки. – Я понимаю, сколько у вас, должно быть, работы теперь, когда утонул Пат Эллерби... Не говоря уж о потрясении от всего этого. И еще полиция каждого допрашивала.

– И не говорите, такое положение, и все это попало в ящик, – энергично кивая, сказала Хелен.

– Только между нами, как, по-вашему, мистер Дринкман справится? – спросила Констанс. – Пат мало что мне про него рассказывал.

– Так вы были знакомы с мистером Эллерби? – удивилась младшая, Джоан.

Констанс кивнула с самым скорбным видом.

– Мистер Дринкман очень старается, – объяснила Джоан. – Но у него и своей работы по горло, а тут надо быстро войти в курс дела. Мистер Эллерби был необщительным и почти не рассказывал, как все это вертится. Особенно о том, что связано с ней.

– С ней?

Джоан подняла глаза к потолку:

– Мисс Фрост. Он ее... поддерживал как мог.

– Скорее уж это она удерживала его при себе как могла, – возразила Хелен, капнув воды на салфетку, чтобы в последний раз промокнуть рукав. – Тут такой пожар начался, долж-

на вам сказать. Некоторые постояльцы так перепугались, что сразу съехали. Зато сбежались другие, как муравьи на пикник, особенно когда снова заговорили о вампире.

Официантки обменялись многозначительными взглядами.

– И только мистер Дринкман даже задницу от стула не оторвал. Вы уж извините меня, мэм.

– Я слышала, что Пата Эллерби не было целый день, и только потом нашли его труп, – сказала Констанс.

Официантки закивали.

– Он и раньше выходил покурить на площадь, но всегда в разное время. А частенько просто исчезал. Раз – и нету, – щелкнула пальцами Хелен. – Только что читал газету с финансовыми новостями, а через мгновение уже заперся в своей комнате.

– В какой комнате? – заинтересовалась Констанс.

– У него была комната под лестницей, – объяснила Джоан. – Он там торговал акциями и всякими такими вещами. «Игра на бирже» – вот как он это называл. Это была его страсть, точно говорю. И... – Она помолчала и продолжила: – Да, я думаю, он чертовски в этом наловчился.

– Как вы узнали?

– В последние месяцы он стал кое-что покупать. Новую машину – «кинг-ранч», ни больше ни меньше. И роскошные часы.

– Джоан! – с укоризной сказала Хелен.

– А вы не подумали, что это могут быть подарки мисс Фрост?

– Она не из тех, кто разбрасывается подарками, – ответила Хелен.

– Но ведь Эллерби был одним из ее любимчиков? – спросила Констанс.

– Он был единственным ее любимчиком, – поправила ее Джоан. – Но даже с ним она не сдерживала свой нрав. Да что там, всего несколько дней назад она появилась вечером в вестибюле прямо из пустоты. В первый раз за последний год, а то и два. И направилась напрямик в подлестничный кабинет Эллерби, только его там не было. И боже упаси вас услышать, как они потом ругались, когда он вернулся! Как будто перебили целую лавку фарфора.

От этих воспоминаний глаза официантки заискрились злорадством.

– Когда это случилось? – словно между делом поинтересовалась Констанс.

– Сейчас скажу... – Джоан задумалась на мгновение. – Это было за день до исчезновения мистера Эллерби. Или нет... за два.

Констанс решила, что Фрост рассердилась из-за того, что он снимал пенки с клиентов, обворовывая отель.

– Но до ее появления в вестибюле вы считали, что она слишком слаба, чтобы покидать свои комнаты?

Официантки снова переглянулись.

– Да, нам так говорили, – ответила Хелен. – Особенно последнюю пару лет.

Что-то в вопросе Констанс заставило официантку, несмотря на всю ее болтливость, тщательно подбирать слова.

– Она больна?

– Нет, она какая-то... сумасбродная. И чем старше становилась, тем больше зависела от мистера Эллерби. Он заказывал для нее еду, организовывал уборку комнат и смену постельного белья, приводил врачей. Приходил к ней и читал стихи или слушал, как она играет на пианино. Классику.

– Притом, что они недавно поругались, – заметила Констанс.

– Это можно объяснить тем... ну, вроде как «милые бражнятся...». – Джоан понизила голос. – Кое у кого здесь возникли по этому поводу разные дурацкие мысли. А теперь, когда он умер, она совсем подавлена.

– Еду мы просто оставляем у двери, – подхватила Хелен. – Внутри она никого не впускает. И ни у кого нет ключей от черной лестницы.

И прежде чем Констанс успела задать новый вопрос, Джоан добавила:

– Никто и не захочет к ней заходить. Это может быть... опасно.

Решив, что это шутка, Констанс вежливо хихикнула. Но быстро превратила смешок в кашель, прикрыв рот салфеткой, потому что ни одна из официанток даже не улыбнулась.

В дверях вдруг возник Дринкман, и разговор тотчас прервался. Официантки вскочили и принялись собирать грязные салфетки и посуду со стола. Констанс проводила их взглядом, когда они юркнули в боковую дверь, ведущую на кухню. Потом снова посмотрела на Чатем-сквер, по-кошачьи полуприкрыла фиалковые глаза, такие загадочные в лучшие времена, и лишь изредка моргала, сидя совершенно неподвижно в лучах позднего утреннего солнца.

– Вот здесь ее и повесили, – звучным голосом произнес Грумс, хозяин дома, и показал дрожащим пальцем на темную деревянную балку в коридоре мансарды. – Кучер затянул петлю на шее бедной девушки, перебросил веревку через балку и тянул за нее, пока жертва не перестала брыкаться и извиваться.

Он замолчал, и в его мертвенно-бледном лице промелькнуло что-то жуткое.

– Даже сейчас еще видно, как врезалась веревка в дерево.

Венди Гэннон, наблюдая по двум экранам своего пульта за съемкой маленького спектакля, невольно отметила, что Грумс идеально подходит для этого фильма. Из него получился превосходный гид по сверхъестественному, и, без всяких сомнений, он немало поработал над своей внешностью: поношенный костюм на размер больше его тощей фигуры шести футов и шести дюймов ростом, седые волосы мочалкой и ввалившиеся глаза. Гэннон подозревала, что эффект усиливает разумная толика косметики тут и там. А этот человек явно разбирался в том, как создать нужную атмосферу, судя по тому, как он протестовал, когда осветитель пытался установить прожекторы в тусклом интерьере здания. Понятно, как населенный призраками дом Монтгомери стал одной из главных достопримечательностей Саванны.

– С тех самых пор, – закончил Грумс, – как только пробьет полночь, это и происходит.

Гид указал длинным паучьим пальцем на балку, и Гэннон шепотом велела оператору второй камеры увеличить кадр со следом веревки на дереве.

Она оглянулась на Мюллера. Наклонив голову, он с непроницаемым выражением лица слушал рассказ гида об убийстве. Двести лет назад здешний кучер обручился со служанкой. И все шло хорошо, пока этот мерзкий тип не вообразил, что невеста ему изменяет. Рассвирепев от ревности, он ворвался в ее спальню в мансарде, накинул петлю девушке на шею, вытащил ее в коридор и повесил на выступающей балке. А потом вернулся в свою комнату, лег на кровать и перерезал себе горло. И не один раз, а дважды.

Грумс взял паузу, театрально вдохнул полную грудь воздуха и приподнял кустистые брови.

– Не каждую ночь, разумеется, но довольно часто. Десятки свидетелей могут подтвердить, что слышали ужасные звуки убийства. Все показания совпадают. Начинается каждый раз с приглушенного крика, который быстро стихает; затем следует звук перетаскиваемого по коридору тела; потом слышен стук тяжелой веревки, переброшенной через балку, и безошибочно узнаваемое шуршание скользящей вверх петли. После слышно, как раскачивается веревка под аккомпанемент сдавленных хрипов. А потом... – Грумс снова выдержал паузу. – Потом пройдет несколько минут, и вы услы-

шите тяжелые, медлительные шаги по коридору, стук открывающейся и закрывающейся двери, скрип кроватных пружин... и вдруг различите влажное бульканье из перерезанного острой бритвой до самого шейного позвонка человеческого горла.

Гэннон идеально записала это заученное выступление на обе камеры, и Бэттс приказал закончить съемку. Он выглядел очень возбужденным и довольно потирал толстые руки.

– Потрясающе! Просто потрясающе! Герхард, ваш выход!

Мюллер понимающе кивнул. Он открыл большой жесткий кофр, который сам же и затащил на верхний этаж. Внутри, в пенопластовых гнездах, лежали его инструменты.

– Снимайте их! – приказал операторам Бэттс.

– Нет, – резко возразил Мюллер. – Я ведь вам уже объяснял, мистер Бэттс. Я не разрешаю снимать инструменты, когда они находятся внутри футляра. Вы можете фотографировать только используемое оборудование.

– Ну хорошо, – раздраженно ответил Бэттс.

Гэннон придержала камеры, пока Мюллер доставал из кофра допотопный осциллограф с круглым экраном, камеру в чехле, серебряный прут, расходящийся на конце буквой Y, как лоза лозоходца, и пластинку темно-дымчатого полупрозрачного камня, вероятно обсидиана. Мюллер разложил все это на полоске черного бархата и кивнул Бэттсу, разрешая съемку. Гэннон, в свою очередь, подала знак операторам.

Бэттс вошел в кадр с освещенным снизу бледным лицом.

– Уже почти полночь – время, когда, как говорят, призраки кучера и горничной заново проходят путь к своей ужасной кончине. Доктор Герхард Мюллер уже установил свои высокочувствительные приборы и инструменты, одни из которых относятся к периоду Средневековья, а другие – его собственные изобретения. Это оборудование поможет нам обнаружить то, что специалисты называют спиритуальными турбуленциям, то есть призраков и другие паранормальные силы. Полночь, наблюдения начинаются. У вас все готово, доктор Мюллер?

– Да, – ответил тот.

Наступила тишина. Наконец Гэннон легонько подтолкнула локтем Бэттса.

– Вместе с нами, – продолжил Бэттс, – сюда пришла хорошо известная в Саванне историк сверхъестественного миссис Дейзи Файетт.

Камера повернулась к грузной пожилой женщине, стоявшей рядом с Мюллером. Бэттс поморщился. Он собирался разрешить этой некиногеничной особе несколько слов за кадром, но Гэннон убедила его, что появление местного «историка» – короткое и единственное – придаст фильму больше достоверности. К тому же она была так напудрена, что сама по себе выглядела пугающе.

Миссис Файетт шагнула вперед и заговорила на удивление музыкальным голосом:

– Историки полагают, что в доме Монтгомери чаще всех

прочих мест в Саванне появляются призраки. По мнению ученых, это связано с ужасной жестокостью произошедших здесь событий. Эти двое несчастных созданий, как преступник, так и его жертва, в сущности, оказались пойманы в повторяющийся цикл посмертия. В спиритуальном мире времени не существует, и неприкаянные души могут оставаться в этой воронке, или водовороте, столетиями...

– И могут превратиться в вампиров? – спросил Бэттс. – Как Саваннский вампир?

Женщина замолчала, сбита с толку неожиданным вмешательством.

– Даже не знаю. Саваннский вампир – это совершенно иная легенда...

– Хорошо, достаточно, – сказал Бэттс и повернулся к Гэннон. – Мы смонтируем все позже.

Гэннон мысленно пометила себе проследить, чтобы Бэттс вовсе не выбросил этот эпизод при монтаже.

– На меня, через пять секунд, – сказал ведущий, снова изобразив улыбку, как только камеры ожили и качнулись в его сторону, и продолжил, не потрудившись поблагодарить миссис Файетт: – А сейчас доктор Мюллер направит всю необычайную мощь своего оборудования на то самое место, где произошло убийство, и в то самое время, когда оно случилось, чтобы обнаружить и при определенной доле удачи сфотографировать спиритуальные возмущения.

По включившемуся экрану осциллографа лениво побежа-

ли зеленые синусоиды. Мюллер обеими руками поднял серебряную лозу, сверкнувшую зеркальной полировкой. Обе камеры следили за каждым его движением, пока он медленно обходил площадку под изношенной балкой. Старинные напольные часы в дальнем конце коридора пробили полночь.

Опустилась тишина. Даже Гэннон, уверенная в том, что все это чепуха, ощутила легкий озноб. От дубля к дублю свет в помещении все больше тускнел и рассеивался. Старый прием, еще времен целлулоидной пленки, но до сих пор эффектный. Обстановка тоже была атмосфернее некуда: уродливая викторианская мебель, потрескавшиеся зеркала и потертые ковры. Грумс и Файетт стояли поодаль, наблюдая за происходящим. Файетт, явно обиженная тем, как бесцеремонно ее прервали, похоже, посылала кому-то эсэмэску.

Бой часов отразился от стен и затих вдалеке. Опять наступило безмолвие. Мюллер расхаживал туда-сюда по коридору, словно караульный. Через десять минут он остановился, отложил свою лозу и взял обсидиановую пластину. Поднес к лицу и смотрел сквозь нее то в одну сторону, то в другую, казалось, целую вечность, пока наконец не положил ее обратно на черный бархат.

– Ну как? – спросил Бэттс. – Что вы обнаружили? Теперь будете фотографировать?

Вместо ответа Мюллер лишь попросил:

– Отведите меня в комнату, где кучер перерезал себе горло.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Грумс.

Мюллер поднял лозу и обсидиан, ассистенты взяли осветительные приборы, и все вместе отправились следом за хозяином дома в маленькую спальню в дальнем конце коридора. Камеры продолжали работать. Спальня была тесной и скудно обставленной. Мюллер приготовил свои инструменты, и действие продолжилось. Он снова медленно прошелся с серебряной лозой по комнате и с особенным вниманием склонился над кроватью. Потом осмотрел комнату сквозь кусочек обсидиана, разрешив и Гэннон недолгую съемку через пластинку, которая сделала все вокруг тусклым, размытым и отчасти призрачным. «Да, Мюллер знает свою работу», – подумала Гэннон.

Еще пятнадцать минут прошло в молчании, а камеры всё работали. Гэннон сожгла чертову тучу гигабайт, и монтировать фильм будет теперь мучительно больно. Но она не могла рисковать, опасаясь что-то пропустить.

Наконец Мюллер остановился и с долгим вздохом повернулся к съемочной группе.

Бэттс подошел к нему:

– Доктор Мюллер, мы сгораем от нетерпения узнать, что вы обнаружили. Расскажите нам скорее!

Мюллер поднял глаза:

– Ничего.

– Ничего? Что значит «ничего»?

– В этом доме нет привидений, – ответил Мюллер. – Я не

обнаружил никаких турбуленций. Здесь ничего нет.

– Как это так? – возмутился хозяин дома, срываясь на крик. – У нас есть свидетели, десятки свидетелей за многие годы, и все они пережили встречу с призраками!

– Может быть, мы неправильно выбрали ночь? – предположил Бэттс. – И призраки просто были... э-э-э... пассивны?

– Выбор ночи не имеет значения, – мрачно ответил Мюллер. – Здесь ничего нет. Даже если призраки никак не проявляют себя, возмущения можно измерить. Но мои приборы не зафиксировали никакой спиритуальной турбуленции. Если здесь и были духи, они давно исчезли. Это просто пустой дом – быть может, приманка для туристов, но ничего больше.

– Стоп! Стоп! – прокричал Бэттс и набросился с яростными упреками на Мюллера. – За каким чертом вам все это понадобилось, Герхард? Это же самый богатый привидениями дом во всей проклятой Саванне! И что мне теперь делать с этим бесполезным материалом?

Побагровевший Грумс одобрительно закивал.

– Может быть, проблема не в доме, а в ваших фокусах-покусах? – с презрением показал он на оборудование Мюллера. – Призраки здесь есть, просто вы их не нашли!

Мюллер бросил на него испепеляющий взгляд, но ничего не ответил. Он вернулся в коридор и принялся укладывать свои инструменты в кофр. Позабытая всеми Дейзи Файетт попыталась что-то сказать, но Бэттс лишь отмахнулся от нее,

как от назойливой мухи.

– Выведите ее отсюда, – велел он одному из ассистентов.

Бэттс повернулся к охотнику за привидениями и сказал, стараясь не повышать голос:

– Послушайте, Герхард. Мы потратили немало труда и средств, чтобы все устроить. Это превосходный дом с привидениями. Не согласитесь ли вы попробовать еще раз и сделать так, чтобы ваше оборудование работало?

Мюллер выпрямился и ответил ледяным тоном:

– Мое оборудование работает.

– Ради всего святого, Мюллер, постарайтесь, чтобы оно работало лучше!

Мюллер впился взглядом в Бэттса:

– То, чем я занимаюсь, не цирковое представление. Это серьезное дело. Это наука. – Он помолчал и продолжил: – Вы еще обрадуетесь, что у вас есть только что снятый материал, мистер Бэттс. Потому что, когда мы найдем что-нибудь в другом месте, на что я очень рассчитываю, наша неудача здесь только добавит убедительности этому открытию.

Бэттс внезапно притих. А через мгновение в уголки его губ прокралась едва заметная улыбка.

– Я понял, что вы задумали, Герхард. Приношу свои извинения.

Мюллер коротко кивнул.

Бэттс оглянулся на Гэннон:

– Работаем!

Гэннон дала сигнал продолжать съемку, и Бэттс с серьезным лицом повернулся к камерам:

– Как вы только что убедились, обнаружить присутствие сверхъестественного – непростое дело, требующее деликатности и научного подхода. Призраки не появляются по нашему капризу. Доктор Мюллер ничего здесь не нашел, и, учитывая его репутацию, это означает, что здесь ничего и нет.

– Ничего нет? – возмущенно выкрикнул Грумс. – Всем известно, что это самый лучший дом с привидениями в Саванне.

– Скоро всем станет известно, – спокойно ответил Бэттс, – что это просто приманка для туристов, и ничего больше. Мошенничество, разоблаченное доктором Мюллером.

– Да как вы смеете! – вознегодовал хозяин дома. – Уберите от меня свои камеры!

Он в ярости показал на камеры, которые, конечно же, продолжали работать, снимая его лицо крупным планом.

– Это клевета! Я подам на вас в суд!

Но Гэннон не прекращала съемку. Господи, это были бесценные кадры! Она восхитилась тому, как ловко Бэттс выкрутился из очевидной неудачи. И в который уже раз задумалась, не окажутся ли в конечном итоге фокусы Мюллера чем-то стоящим.

Церковь находилась в двадцати минутах ходьбы. Несмотря на поздний час, по улицам и площадям толпами разгуливали туристы и подвыпившие студенты колледжей, рестораны светились огнями, а в барах было не продохнуть. Церковь стояла за чертой старого, построенного еще до Гражданской войны города, на границе с бедными районами, далеко не такими веселыми. Это было неприметное здание из бурого кирпича с потеками на стенах и местами осыпавшейся шиферной черепицей. Маленькую парковку перед ней заполнили дорогие автомобили: «мазерати», «БМВ» и «ауди». Все окна первого этажа были заколочены досками. Ордера у Пендергаста не было, но Колдмун подозревал, что он не собирается действовать обычными примитивными методами и вламываться через переднюю дверь.

Они свернули за угол Би-роуд, многолюдной даже в полночь, и осмотрели здание с тыльной стороны. Там располагалась маленькая ризница, а пристройка к церкви, окна которой тоже были заколочены, служила скромным жилищем священника. Перепрыгнув через низкие чугунные перила, Пендергаст бросился к задней двери пристройки. Колдмун последовал за ним. Сверкающий новый замок казался неуместным на потемневшей от времени дубовой двери. Пендергаст достал из кармана пиджака набор отмычек в ко-

жаном мешочке, повозился с ними немного, и замок поддался.

Пендергаст приложил ухо к двери, а потом медленно открыл ее. Хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

Агенты проскользнули в темную прихожую, закрыли дверь, и сумрак сменился непроглядной тьмой. Пендергаст посветил вокруг маленьким фонариком-ручкой. Слева от прихожей виднелась крохотная невзрачная гостиная, справа – столовая. Впереди была еще одна дверь, ведущая прямо в церковь. Пендергаст подошел к ней и снова приложил ухо, потом махнул рукой Колдмуну, и тот тоже прислушался.

За дверью пульсировали голоса: монотонное ритуальное пение то нарастало, то стихало.

Они отодвинулись от двери.

– А капелла, – пробормотал Колдмун. – Замечательно.

– Обычно из ректории²³ в храм ведут две двери, – прошептал в ответ Пендергаст. – Одна – для выхода священника к пастве, а другая – для личных целей. Давайте ее и поищем.

Через столовую они прошли в маленькую кухню. Луч фонарика осветил большую пластиковую бутылку на столе, наполненную какой-то жидкостью. Пендергаст снял с полки стакан, поставил к бутылки и повернул кран.

Хлынула густая красная струя.

– Обосраться и не жить! – сказал Колдмун и невольно попятился.

²³ Ректория – дом при церкви, в котором живет приходской священник.

Пендергаст достал пробирку, обмакнул тампон в стакан с кровью, положил в пробирку, закрыл ее и сунул обратно в карман пиджака. Затем подошел к двери в дальнем конце кухни и повернул ручку: не заперто.

Дверь чуть приоткрылась, и пение зазвучало громче. Сквозь щель пробивался красноватый свет. Пендергаст постоял у двери, а потом жестом пригласил взглянуть и Колдмуна.

За дверью находилась ризница, а еще дальше – апсида церкви. Там, где обычно стоял алтарь, теперь возвышался помост, и по нему ходили по кругу с полдюжины обнаженных людей. Они пели, подняв над головами руки... руки, смоченные кровью. По большей части это были пожилые толстые люди, лысые мужчины и женщины с обесцвеченными перекисью водорода волосами... по крайней мере, на голове. В центре круга была изображена пентаграмма с таинственными символами, нанесенными мелом на ее лучах. По импровизированной сцене бродила женщина, тоже обнаженная и вся в крови. На шее у нее висело зловещего вида монисто с демоническими ликами на штампованных золотых бляшках. В руке она держала медный горшок, время от времени опуская в него кисточку и обрызгивая ею танцоров, словно круглой шваброй. Колдмуну показалось, что горшок наполнен кровью.

Позади помоста в тускло-багровом свете сидели немногочисленные зрители приблизительно того же возраста. Когда

пение зазвучало громче, они тоже сбросили с себя одежды, собрались в группы по двое-трое и принялись обнимать и ласкать друг друга, продолжая наблюдать за ритуалом.

Пендергаст отступил от двери, а вслед за ним и Колдмун.

– Это сатанинский обряд? – спросил Колдмун, почувствовав приступ тошноты.

– Что-то в этом роде, – ответил Пендергаст с отвращением в голосе.

В отраженном красноватом свете лицо его имело разочарованный, чтобы не сказать обескураженный вид.

– Разве вы не этого ожидали? – удивился Колдмун. – Похоже на то, что оргия начнется с минуты на минуту.

– Боюсь, что я просчитался. – Пендергаст помолчал и продолжил: – Эти люди просто... дилетанты.

– Дилетанты? Лично мне это кажется чертовски серьезным.

В тот же миг пение внезапно стихло. Пендергаст кинулся к двери, посмотрел в щелку и обернулся к Колдмуну.

– Быстро ко мне! Она идет сюда.

Они спрятались в темный стенной шкаф, оставив дверцу приоткрытой. Через мгновение в комнату вошла женщина с горшком, в темноте повозилась с краном, а потом тем же путем вернулась в церковь. Очевидно, она снова наполнила горшок кровью.

И тут послышался стук в парадную дверь церкви, а следом за ним голос, усиленный мегафоном:

– ФБР! У нас ордер на обыск! Откройте! Это ФБР!

– Самое время, – мрачно заметил Пендергаст.

Через секунду раздался грохот полицейского тарана, потом еще раз, с ним смешались испуганные крики зрителей и участников ритуала. Парадная дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель, и агенты хлынули внутрь.

– ФБР! – снова проорал человек с мегафоном, и Колдмун узнал голос агента Карраччи. – Все на пол! На пол, мать вашу! Быстрее! Держите руки на виду!

Одновременно с этими словами Пендергаст широко раскрыл дверь и прошел через ризницу в церковь. Колдмун не отставал. Обнаженные мужчины и женщины поспешили выполнить приказ и разлеглись на полу среди пятен крови. Агенты развернулись веером с оружием наготове, проверяя, все ли находящиеся в церкви безоружны и не собирается ли кто-нибудь оказать сопротивление.

– Чисто! – крикнул кто-то.

Много времени на обыск агентам не потребовалось. Пендергаст проводил их на кухню, где они конфисковали бутылку с кровью, а также маски, костюмы, капюшоны, чаши, фаллоимитаторы и прочий нелепый или даже непристойный хлам. Пендергаст наблюдал за ними, недовольно поджав губы.

Арестовывать никого не стали. Завершив обыск, агенты ФБР разрешили всем подняться на ноги. Потом под лучами фонариков, высвечивающих грузные тела пристыженных псевдодионисийцев, их выстроили в шеренгу и переписали

данные. Для секты сатанистов они вели себя на удивление послушно: одни плакали от страха, другие умоляли не предавать огласке их имена. Только у доктора Кобба хватило духу заявить, что это была *bona fide*²⁴ религиозная церемония, что действия ФБР грубо попрали его свободу вероисповедания и что утром он первым делом позвонит своему адвокату. Его протесты нарочито оставили без внимания. Колдмун решил, что получил больше удовольствия от первой встречи с Коббом в музее, когда директор был полностью одет.

Наконец Карраччи коротко распорядился:

– Ладно, выметайтесь отсюда, к чертям собачьим!

В безумном порыве болтающихся грудей и подскакивающих мужских достоинств группа сектантов распалась на части, разбежалась по углам церкви, похватила одежду, а потом помчалась к машинам. Под визг шин парковочная площадка мгновенно опустела. После короткого совещания с Карраччи Пендергаст и Колдмун вышли из церкви через заднюю дверь.

– Плохо, что их не задержали, – сказал Колдмун.

– Только зря потратили бы время.

– В каком смысле? Вы думаете, дело уже раскрыто?

– Я могу думать что угодно, только не это, – ответил Пендергаст с вытянувшимся лицом. – Боюсь, что я крупно просчитался.

– Просчитался? Вы заметили татуировку, установили

²⁴ С честными намерениями (*лат.*).

связь, нашли церковь. В моем понимании, это быстрый сбор информации, а не просчет.

– Слишком быстрый. Я не послушался собственного совета и начал рассуждать слишком рано.

Его слова показались Колдмуну смешными.

– Да ладно вам! Вы же видели эту кровь.

– Готов поставить любые деньги на то, что это кровь животных. Но важнее другое: увидев парковку с дорогими машинами и этот нелепый ритуал, я понял, что здесь совсем иная психодинамика. Дилетанты, играющие в сатанизм. Возможно, они и виновны в жестоком обращении с животными, но не в убийстве. Тот убийца или убийцы, которых мы ищем, действует более скрытно, чем эти... эти жалкие профаны в оккультизме.

Колдмун покачал головой. Дело так быстро переходило из раскрытого в тупиковое и обратно, что голова шла кругом.

– Мой друг, пусть это будет для вас уроком об опасности поспешных выводов, – продолжал Пендергаст. – Г. Л. Менкен²⁵ когда-то сказал: «У всякой проблемы всегда есть решение – простое, удобное и, конечно, ошибочное». Это решение было простым, удобным и ошибочным.

– Как скажете. И что нам теперь делать?

– Поищем ответ в каком-нибудь другом месте. Например, в комнате Эллерби.

²⁵ Генри Луис Менкен (1880–1956) – американский журналист и сатирик.

Спустившись в подвал по истертым каменным ступеням, Пендергаст остановился и огляделся. Его глубоко разочаровал и вчерашний рейд, и собственная роль в нем, но он отбросил на время эти мысли.

В подвале «Чандлер-хауса» стоял характерный запах – запах времени, за неимением лучшего слова, и он очень заинтересовал Пендергаста. Пахло мокрым камнем и пылью с примесью горелой резины и едва уловимой нотки селитры, несомненно оставшейся с тех времен, когда в этом здании располагалась фабрика боеприпасов. Из пороха, свинца и латуни здесь делали патроны 54-го калибра для карабинов Шарпса, так любимых кавалерией конфедератов. «Как же оно вдохновляет, это подобное фуге слияние ощущений прошлого и настоящего!» – подумал Пендергаст.

Был там и еще один специфический запах – толченого грецкого ореха, свойственный токсину престрикурарину. Пендергаст остановился. Похоже, отель страдал от нашествия крыс, и против них применяли устаревшее средство. Этот дезинсектор был признан неэффективным много лет назад. Лишенные природой рвотного рефлекса, крысы побиваются незнакомых запахов. Ну да ладно, крысы – не его забота.

От подвала так и веяло затхлостью и запустением. Ряд

свисающих с проводов оголенных лампочек уходил вдаль, оставляя углы в полумраке. Даже от подножия лестницы Пендергаст видел, что подвал принял окончательный вид уже после завершения строительства дома: каменный пол то поднимался, то опускался, отмечая места дополнительных земляных работ. Помещения в темных углах были едва различимы: кладовые, заброшенная кухня, что-то вроде посудомойни. Дальнюю часть подвала обмотали желтой лентой и повесили предупреждающий знак: **НЕНАДЕЖНАЯ КОНСТРУКЦИЯ**.

Любитель древности в душе Пендергаста и дальше наслаждался бы изучением этой подземной твердыни, но он пришел сюда по другому делу – обследовать комнату прямо под лестницей в подвал, где Эллерби устроил себе кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.